

Сергей Бабинцев

**ЛЕГЕНДЫ ЗАБЫТЫХ
КРАЁВ**

Сергей Бабинцев

Легенды забытых краёв

«Издательские решения»

Бабинцев С.

Легенды забытых краёв / С. Бабинцев — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-836086-2

Перед вами сборник современного фэнтези. Драконы и пираты, рыцари и чудовища, магия и клинки, честь и предательство — всё это и многое другое найдёте вы на его страницах. Готовы окунуться с головой в мир фантазии? Тогда вперёд, навстречу приключениям!

ISBN 978-5-44-836086-2

© Бабинцев С.
© Издательские решения

Содержание

Маленькие истории	6
Во имя Его	6
Вшивый	8
В дорожной петле	14
Деревенская сказка	15
Оживший зонтик	21
До осени	23
Долина перемен	25
Империя в опасности	29
Загадка природы	31
Лесные встречи	32
Островная история	36
Круговорот	44
Первый поход	48
Конец ознакомительного фрагмента.	49

Легенды забытых краёв

Сергей Бабинцев

© Сергей Бабинцев, 2023

ISBN 978-5-4483-6086-2

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Маленькие истории

Во имя Его

Горный замок, чёрными шпилями башен пронзающий небо, спал. Крепко запертые ворота, высокие стены, а пуще того – магия, витающая вокруг цитадели древних властителей, хранили его от любых посягательств. Но вот вспыхнул вдруг на краткий миг огонь в одном из тёмных стрельчатых окон верхних этажей.

Высокий мужчина в кольчуге под плащом вновь накрыл свой фонарь колпаком и улыбнулся: он на верном пути. Проникнуть в логовище коварного узурпатора, полное стражи, оказалось далеко не так сложно, как верно надеялся хозяин замка. В свете фонаря мужчина успел свериться с картой и теперь знал, что до покоев проклятого тирана, подмявшего под себя всю страну, осталось немного. Время его жизни истекло и смерть уже занесла свою костлявую руку над головой очередной жертвы.

Двигаясь по-кошачьи бесшумно, мститель преодолел несколько коридоров, взобрался по высокой лестнице и вот он – между двумя мрачными крылатыми воинами светлого камня – вход в жилище злодея. Прислонив копьё к стене, дремлет на посту часовой. Конечно, глупец не ждёт подвоха, ведь замок слывет неприступным. Бедняга и не догадывается, сколь многого можно достичь, подкупив пару-тройку сведущих людей и применив на деле тайные знания одной из великих семей древности. Мужчина обнажил кинжал. Сегодня сталь его уже испила чёрной вражеской крови. Одним негодяем больше, велика ли печаль...

Но едва он приблизился к стражнику на расстояние вытянутой руки, как что-то раскололо вдруг воздух и лишь отменная реакция спасла лазутчику жизнь. Замок огласил бешеный рев. Сверкая изумрудами глаз, каменные стражи шагнули со своих постаментов, их стальные клинки отразили свет вспыхнувших на стенах факелов. Не прекращая реветь на всю цитадель, зачарованные статуи атаковали проникшего в дом их господина нарушителя. Очнувшийся стражник схватился за копьё. Мужчина закричал от ярости и разочарования и, отшвырнув кинжал с фонарем, выхватил свой меч. И очень вовремя: громадный двуручник одного из крылатых воинов уже метил ему в голову. Отбивая сыплющиеся на него градом удары и чувствуя, как струится по ноге кровь – копейщик достал из-за спин оживших статуй – мужчина понял, что всё кончено. На зов каменных стражей вот-вот сбежится всё население замка и назавтра его головой в назидание другим украсят ворота.

– Сдавайся! – крикнул стражник, тыча копьём, чтобы загнать жертву в угол. – Твоя песенка спета!

Это не лезло уже ни в какие ворота. Сдаться приспешнику врага? Жалкому мужлану, что без помощи колдовских чудовищ стал бы смазкой для его меча? Ну уж нет! Надежды на победу никакой, но живым он им точно не достанется. Быть может, удастся разрушить или повредить одного из стражей и тогда тот, кто придёт за ним...

– Мой лорд! Я здесь! Держитесь, мой лорд! – раздался высокий голос и на площадку у двери кубарем вкатилась юная девушка с рапирой в руке. Её чёрные волосы пребывали в полном беспорядке, лицо покраснелось.

– Нет, Алия! – прокричал мужчина. – Не смей! Ты нарушила приказ! Беги! Беги назад в лагерь и предупреди... расскажи другим, что видела!

– Я никуда не уйду без вас, господин! – пылко отвечала девушка, чёткими ударами отгоняя копейщика, не ожидавшего атаки с фланга.

– Глупая девка! Убирайся! Здесь сейчас будет целая армия!

– Так уходим вместе! – крикнула Алия, не глядя на раненого противника, сползающего вниз по ступеням. – Я взяла грифона!

– Иди и подготовь его к взлету, – прохрипел мужчина, отражая очередной удар крылатого воина. – Если я не приду через...

– Вместе! – завизжала девушка и очертя голову бросилась на спину второй статуе...

Через час или два они сидели на высоком горном уступе к западу от замка и смотрели, как над древними шпилями восходит солнце. Стены цитадели в утреннем свете были белыми с лёгкой желтизной, мраморными. На таком расстоянии деталей не рассмотреть, но беглецы знали: замок сейчас напоминает растревоженный муравейник.

– Простите, лорд Кэрсиган, – произнесла Алия наконец, переводя взгляд с далёкой вражеской твердыни на спину своего повелителя, перечёркнутую тугими повязками. – Я... я нарушила приказ... Но... Вы не должны рисковать своей жизнью! Без вас нам не победить...

Кэрсиган промолчал. Он держал на коленях переломленный в чудовишной руке каменного стража меч. Ныли раны в ноге, в плече и там, где когти грифона, осёдланного Алией, впились ему в бока. Боль физическая ничего не значила. Куда ужаснее было сознавать, что тиран остался жив. Теперь тот усилит охрану, быть может, сменит на время резиденцию... Затаится по трусливому своему обычаю. И уж конечно, отправит несколько отрядов прочесать частым гребнем окрестности. Придётся искать другое убежище. И пусть одного из волшебных стражей удалось-таки разбить на части, враг всё равно слишком силен и многочислен, а надеяться на эффект неожиданности в ближайшее время не стоит. Расплата снова, в который уже раз откладывается.

Сколько верных друзей сложило головы в борьбе с треклятым захватчиком, пришедшим на земли их предков... Их имена словно выжгли на сердце мужчины калёным железом. Лорд Мальтазар, Гренд из Иэля, Крюгер и Брент, леди Лилит с дочерьми, отец Алии – благородный дон Касимов... Его, Кэрсигана, родители и младший брат... Ещё очень много мужчин и женщин. И, конечно, Он – их повелитель, чья честь требует отмщения.

– Ничего не кончено... – невпопад прорычал Кэрсиган. Алия, всё пытавшаяся оправдаться, осеклась на полуслове, но тут же в её глазах вспыхнула решимость.

– Конечно, нет, мой лорд! – истово воскликнула девушка, вскакивая на ноги. – Враг получит своё. Рано или поздно, но получит! Пусть нас мало, пусть повсюду предательство и шпионы узурпатора, мы не сдадимся! «Пусть говорят „это конец...“»

– «Но какой же конец, когда мы ещё живы!» – подхватил Кэрсиган девиз своего павшего господина. Он тяжело поднялся и воздел над собой обломок меча. – Мы победим! За Расколтый Трон! За Императора Тьмы!

– За Тьму! Во имя Его! – вторила Алия, и её рапира, гордо вскинутая в небо, едва не оцарапала задние лапы возвращающегося с охоты грифона.

Вшивый

Дело было тихим майским утром 18** года в N-ской губернии. Солнце уже встало и бросало свои лучи на ухоженный сад и невысокое каменное ограждение, увитое тут и там плющом, отражалось в окнах большой и немного мрачноватой усадьбы, норовило заглянуть в самые тенистые и укромные уголки. Одурающе пахло черёмухой, нахальный кот абрикосового цвета пил из вчерашней лужи. В небе лишь где-то далеко, на самой его окраине, виднелись маленькие тучки. К вечеру могла начаться гроза, да посильнее давешней, но день по всем приметам обещал быть ясным.

Безмятежность и благолепие сей картины портило лишь одно: под ограждением с внешней стороны, сидя в густой траве, таилось трое мужчин. Один из них, смуглый и чернявый, с акцентом прошептал, обращаясь к другому:

– Следующий, кто пойдет, твой... Али сдрейфил?

– Сам ты сдрейфил... – пробурчал тот хмуро и покосился на собеседника без особой любви. – Пускай следующий...

Был говоривший русоголов, жилист и заметно моложе двух других своих товарищей.

Третий, чернобородый крепыш, хотел было вставить слово, но тут смуглый снова зашептал:

– А вот и идёт кто-то, кажись...

А по саду действительно не шел даже, а бежал вприпрыжку малец годов пяти от роду. В новеньких лаковых башмачках, синих, до колен штанишках на помочах и белой рубашонке. И даже в шапочке с помпоном. И даже при галстухе-ленточке. Одним словом, нарядный молодой человек.

Мальчик улыбался. Его сегодня в первый раз отпустили одного в сад и хотя прогулка была не бог весть что – шагов триста – для него она представлялась целым путешествием, полным приключений и опасностей.

Дворник Иван, встреченный юным первопроходцем в пути, звончайше чихнул, перекрестился и пожелал барину доброго утречка. Кот Васька приветственно мявкнул, оторвавшись от водопоя. Солнце ласково пощекотало вздернутый нос с россыпью веснушек, заставив мальчика в свою очередь расчихаться, но он был на светилу не в обиде. В такое чудесное утро неприятностей попросту не существовало.

– Малец, а малец... – позвал вдруг его низкий голос.

Путешественник, как раз представлявший, что пересекает бурную реку, обогнул очередную лужу и, подняв глаза, доверчиво поглядел на появившегося за оградой человека. На голове того был поношенный картуз, сюртучишко выглядел не ахти, а других частей туалета не позволяла рассмотреть каменная кладка.

– Поди-ка сюда, – поманил незнакомец пальцем и мальчик приблизился на несколько шагов. – Как тебя зовут?

– Карлуша, – звонко отвечал тот, все так же доверчиво глядя на мужчину.

– Карлуша? Так-так... Ты хороший мальчик, я вижу... Хочешь вот леденец? – продолжал человек, доставая из кармана завернутого в бумажку петушка на палочке.

В лучистых глазах ребенка отразилось сомнение. Его почтенная маменька строго-настрого запрещала чаду не только брать у незнакомых конфеты, но даже и разговаривать с ними. Однако какой же мальчишка откажется от сладостей, тем более когда во рту все еще стоит вкус холодной отварной рыбы, поданной на завтрак...

– Мерсі, – сказал мальчик, принимая леденец и шаркнул ножкой. Добрый дядя какое-то время молча смотрел на него, будто не в силах решиться на что-то, а потом вдруг указал пальцем вверх головы Карлуши:

– Смотри-ка, экое чудо! Обезьян, ей-ей!

Мальчик мигом повернулся в ту сторону и во все глаза начал высматривать означенную обезьяну в ветвях черёмухи.

Человек же совершил весьма странный поступок: сбросил картуз, одним движением сорвал сюртучишко, оставшись голым по пояс, ловко одолел ограду и, на ходу обрастая косматой бурой шерстью, увеличиваясь в размерах чуть не вдвое, шагнул к оголившему тылы Карлуше.

Даже удивительно, сколько за какой-то миг бывает у человека мыслей разом! Хоть в книжку пиши! Вот и у давешнего русоголового, а теперь не сразу и скажешь, кого, медведя-не медведя, за краткие мгновения, необходимые, чтобы добраться до мальчика, в мозгу промелькнула целая эпопея, не меньше.

Что сделают родители, если их ребенок вдруг станет невесть чем? Только что гукал, с щепками возился, по луже корабли пускаючи, а глядь – уже зверь зверем, рычит, клыки скалит! Уж испугаются точно, да как бы не пришибли, беса-то изгоняя. А вот родители Яшки Калинина ничего, не испугались. Потому как сами такие же были. Странные. В общем – оборотни.

Как подрос Яшка, объяснили ему родители всё, всему научили. И как перекидываться, если надо, а не надо, так воздерживаться. И как людей сторониться, если уж зверем стал. И как лютость сдерживать. Да, по правде говоря, у нынешнего поколения той, бывлой лютости уж и не случается. Вот дедушка покойный, Гаврила Свиридович, однажды ревизора задрал и съел. Тот бедному чиновнику двенадцатого класса Сибирью за растраты по казённой части грозил, ну и не сдержался старик, взял грех на душу.

Да и то, сомнительно что-то Яшке было, что в лютости дело. Верно, просто не хотел уж очень дедушка в Сибирь отправляться.

Однако дело прошлое, а в медвежьем образе Яшка годков с четырнадцати уж никого не трогал. Да и до того не сказать, чтобы очень уж зверствовал. В десять лет из озорства напугал одну бабу в лесу, кузовок её с грибами забрал, когда убежала. Один раз монашка чуть за рясу не поймал, то уже по лютости. За монашка отец ничего худого не сказал, по себе ведал, каково это, когда ярость звериная пеленою глаза застилает. За бабу же выдрал так, что неделю на животе спал. И откуда все узнавал...

А вообще мирно жил Яшка. Кто мирно жить не хочет, на того укорот всегда найдут. И у людей так, и у зверей водится.

Поначалу-то страшновато было перекидываться, особливо первые разы. А ну как обратно не вернешься, так и помрешь зверем библейским, бессловесным. Да и душу бессмертную жалко, особенно как отца Никодима слушаешь. Уж очень, говорит, в раю жизнь хороша.

Ну, а с другой стороны... Крещёный ведь, тот же отец Никодим и крестил. В церковь ходит, причащается и вроде молнией-то небесной пока не поразило за кощунство этакое... Может, и возьмёт боженька куда к себе поближе, не отринет? Ведь и то, не сам же Яшка себе судьбу выбирал...

Ну и по большому счету, пользы от такого... дара куда как много. Мальчишками рыбу с подводы воровали, не кто-нибудь возчика шагов за полсотни учуял, а он, Яшка. Не он, так быть бы всем битыми. Быстро возчик бегал. И в лесу, опять же, как дома. Под любой корягой выплещься, из лужи напёшься, гриба-ягоды не пропустишь. Не нюх, так слух выручит, а то и этот... инстинкт. И силушка богатырская, хоть и жилист, да и здоровье не подводит. Сплошная, одним словом, выгода.

Вырос Яшка, уже Яковом прозвался, а того гляди и по батюшке, Михайловичем назовут. Сызмальства возле мамки крутился, лоскутки от шитья собирая, вот и стал портняжничать помаленьку. В учениках у Севостьяна Лукича, Царство ему Небесное, положенное отходил, сам мастером стал. Домишко себе выкупил (ай, цены!), дела вроде в гору пошли. Надумал жениться. Девка хорошая, из своих, тоже оборачивается, только лисицей чёрно-бурой.

Это ничего, старики говорят, дозволено. Дети от такого союза народятся хорошие, раз в десять колен если хвостик у кого вырастет – чудо чудное будет. А им бы с Агафьей таких детей и надо. Пусть растут, да про оборотней только в сказках слушают. Оно, как ни крути, спокойнее будет.

В общем, всё бы хорошо, да подошло тут время испытания.

Так уж заведено: как исполнится детине (ну, али девке) двадцать пять годков, положено испытать его. Не вертопрах ли какой, не гад ли подколодный и стоит ли ему доверять в дальнейшем.

Еще со времён царя Тишайшего оборотни друг с дружкой крепко побратались. Грызться перестали, вместе жизнь проживать начали, вместе детей крестить. Новых собратьев искать, да молодым пособлять на ноги подняться. Много их теперь на Руси, раньше куда как меньше было. Почитай, в каждом городе своя Стая. Название такое придумали, чтоб корни-то молодые не забывали, да держались вместе крепче.

И держались. Вон Демьян, из росомах, у него жена полька и до всех тайн допущена, хотя и человек... Так славно один раз уху сварил, что потом всей Стаей ему дом на месте сгоревшего ставили. Или Прокоп-волк, когда порезали его бандиты, на выручку позарившись... Он не женатый был, вот Глашка-волчица за ним и ухаживала. Осенью свадьбу сыграли... Всем от Стаи польза, да удовольствие. Ну и как, скажите на милость, беспутного в такое общество допустить?

Вот в свое время и Якова очередь подошла. Заранее-то, ясное дело, никто ему про испытание не рассказывал. Что там, да как, узнаешь, мол, как время придет. Но намеки делали. Дескать, смотри... Чуть что не так – головы не сносишь, а если и помилуют, все равно из города погонят за милую душу. Яков, конечно, трепетал. А ну – не совладает? Агафья, его жалеючи, рассказала бы, небось, про испытание, так сама еще молода была. Сущя казнь египетская и мука смертная...

Собрались в назначенный предрасветный час у бортника Кузьмы в его избушке. Невелик домишко, вроде, а все разместились. Женщин мало было, да не от того это, что не пускали их, а просто ведь семьи у всех, дети. А те, что пришли, были почти все люди русские, достойные, работающие. Из ремесленников больше, а то из купцов. Учитель всего один, всё из угла стеклышками блестел. Солдаты старые были, приказчик в лавке, другие разночинцы. Офицеров, или там дворян потомственных в Стае отродясь не бывало. Странно даже, отчего так? Яков часто над этим думал. Будто благородные и верно совсем другие, не как они, что лаптями шти хлебали, а ноздрями мух ловили.

Происхождение даже и по именам видно: Кузьма и Федул, Еремей и Прокоп (тот самый), Свирид и Сысой, Трифон и Анисий, Дунька да Марья, да ещё кое-кто, всех так сразу и не упомнишь. Кто городской, а кто и с выселок, не всякого и в лицо-то знаешь. И он, Яков, конечно. Один Абдул всю картину портил своею татарскою личностью, однако же и тот был ничего, терпимый. Пусть позубоскалить любит, зато и знает его Яков с детства. Соседи они с Абдулом по улице.

Слово Кузьма взял, самый старший из них, он же и в Стае Вожак. Сначала про дела мелкие говорил, не очень-то важные, а затем и до испытания дошел.

И испытание такое оказалось: пойти, куда велят, да первого, на кого укажут, порвать безо всякой жалости. Сумеешь, мол – достоин с нами по жизни идти.

Яков-то еще с вечера и сюртук особый, своего покроя, приготовил. Снимать такой дело плёвое. Дёрнул как следует – застёжки и расстегнулись. Штаны опять же пошире, на случай, если перекидываться придётся.

Есть с утра не ел, волновался очень, один только леденец и взял. В дорожке думал употребить, да и про тот забыл. Так что в животе не от одного страха урчало.

И вот пришли они с Абдулом и Сысом к усадьбе богатой, что на окраине города, у кромки леса стояла. Живут здесь, дескать, немцы-кровопийцы, какие-то Унгерн-Экстерн-бергены, что ли. Их для дела задрать полезно будет.

Пока шли, Яков, думал, чтобы указали ему на Мойшу-портного. Тот, жид проклятый, напротив якова дома поселился, вывеску повесил, иудино племя, в три аршина. Клиентов сманивает. Или еще жидок есть такой, Абрашка Серные Уши. Говорят, у него в ушах сера горит так, что дым видать. Хотя того-то чего трогать, он безобидный дурачок...

Вот если бы судью Гуляева, что папаше штраф надесь выписал... Какие-то там справки, мол, не наличествуют в полном объёме... Тьфу, крапивное семя!

А показали вот на этого малька. И хотя видать за версту, что немец-перец-колбаса, кислая капуста, и как вырастет, будет русских людей на фабриках морить, а всё ж таки дитя. Щекастенький, и глазёнки такие живые... Эвон, как петушку-то обрадовался... Должно быть, мамка-папка тиранят, посластиться не дают...

И вот его-то и надо убить. Для пользы Стаи. Для общей пользы. Когтем сзади по тонкой шее, до которой уже всего два вершка...

И тут Яков остановился. Понял, что не сможет убить этого немчика. И Мойшу бы небось не смог, и судью. Не так его родители воспитали. Конченный он человек, одним словом. Для Стаи не надобен.

И грустно тут стало Якову, аж до слёз...

Когда Карлуша повернулся наконец, у него уже были надуты губы. Незнакомый дядя, хоть и угостил леденцом, оказался обманщиком. Не было на дереве никакой обезьяны! Мальчик подумывал было даже зареветь, но не стал. Уж очень утро хорошее было. Он простил глупого дядю (тем более, что тот и сам, кажется, расстроился из-за своего вранья. Вон его двое утешают) и поскакал на одной ножке, воинственно размахивая петушком, в кусты. То есть, конечно же, в джунгли, полные ягуаров и обезьян.

А за оградой поникшего головой Якова поддерживали с двух сторон Абдул и Сысой.

– Эх, ты... – беззлобно проворчал татарин, помогая незадачливому соседу застегнуть сюртук и выбивая от пыли картуз. – Провалился...

Сысой ничего не сказал, только вздохнул. А Якову и сказать-то было нечего, он и рта не открывал. Слезинку только незаметно смахнул.

Как через забор перелетал, вспоминалось с трудом.

Последняя шерсть всего дольше, как всегда, держалась на ушах. Но вот и она сошла.

Яков пощупал штаны сзади, убедился, что они целы (не зря такие шаровары надевал), да и побрёл куда глаза глядят. Тем паче, что из-за угла усадьбы показался дворник и весьма подозрительно на них троих уставился. И то слава те, Господи, что раньше не вылез. Тогда бы бежать пришлось без оглядки, а то и правда рвать, что под коготь попадет. Хотя нет, Сысой в Стае самый нюхастый, батюшка говорил. Верно, чуял, что в саду творится. Упредил бы.

Никто Якова не держал, только Абдул сказал, чтоб вечером пришёл опять на совет. Судьбу его решать будут.

Тот только кивнул и до вечера все бродил по выселкам городским, не замечая ни ласкового солнышка, ни тёплого ветерка, ни щебета птиц. Домой не заходил. Хотел было к роди-

телям наведаться, да стыдно стало. Что-то скажут? И всё думал, думал, думал, даже голова распухла.

Правильно ли поступил? Ему Стая доверие оказала, поручила благое дело сделать, а он... Да вот только в чём малец-то виноват? Да и как это – ни с того ни с сего взять и задрать человека? Как пёс цепной, не размышляющий! Рви, а там хозяин разберётся!

Нет, правильно он сделал, по совести.

А вот что за совестьливость этакую будет – это вопрос.

Голову снять, глядишь, и не снимут, однако из города попятят, как и обещались.

Да отчего же, собственно, не снимут? Оплошал, скажут, так получай! Что им? Вон Сысой, раз такой нюхастый, чуял ведь немчика этого, знал, кто первым на него, Якова, выйдет, и ни гу-гу. Все они одним миром мазаны... Было от мыслей таких тошно до одури, сердце билось невпопад, щеки горели. Страшно было. От неизвестности и от предчувствий дурных страшно.

Наконец, укрепив дух поговоркой «семь бед – один ответ» (хилое утешение, но уж лучше и правда разом со всем покончить, мочи нет ждать да терзаться), Яков двинулся в лес, к избушке. Благо и вечер наступил.

Его уже ждали. По лавкам у стен сидела вся утренняя компания, а с ними и отец «подсудимого», на которого тот не посмел поднять глаз.

– Все в сборе, – глухо произнес Кузьма и поднялся с места, поколебав свечной огонь. – Учнём, пожалуй.

По горнице прокатился лёгкий шепоток, тут же, впрочем, стихший.

– Не смог, значит? – продолжал Кузьма, оглаживая полуседую бороду. – Не прошёл проверку на вшивость-то?

– Не прошёл... – буркнул Яков. На Кузьму он смотрел бестрепетно, исполнившись вдруг светлого вдохновения. Верно люди говорят, что семи смертям не бывать, и что один ответ, да и вообще – унижаться он перед ними не желает. Всё одно не простят.

– Отчего же? Может, сдрейфил, смалодушничал в последний момент? Такое бывает... – пытливо глядел Вожак.

– Нет, – качнул головой Яков.

– А коли нет, так почему же?

– Жалко мне мальчонку стало... – ответил Яков не сразу. Его снова охватила давешняя тошнотная одурь. Недолго храбрился...

– Жалко, стало быть... И то, детей и пожалеть иной раз можно. А будь там не сопляк, а matka его, али папка, али дед дряхлый, что, легче было бы? Смог бы рвать для пользы общей?

«И чего мучает? Все одно теперь...» – с тоской подумал Яков, а сам открыл рот и тихо произнёс:

– Не смог бы... Нету на них передо мною вины. И ещё... Не так меня родители учили.

И бросил наконец взгляд на отца, а тот... улыбался. И многие улыбались, только Яков по сторонам до поры не смотрел. Абдул подмигнул ему чёрным глазом.

– Ну, если не соврал ты, Яшка, что не из страха малого не задрал, стало быть, хорошо тебя родители учили, – совсем другим тоном сказал Кузьма и оказалось, что он тоже улыбается. – Да сам вижу, что не соврал. Молодец.

Яков непонимающе вертел головой, а вся Стая вдруг разом потянулась к нему. Кто по плечам, да по спине хлопнуть, кто кружку пива поднести, кто сказать чего.

– Да если б ты, Яшка, того мальчика тронул, выгнали б тебя, как пить дать, – нащёптывал горячо на ухо Сысой и щекотал усами. – Нам зачем такие живодёры в городе? Отродясь не бывало и впредь не будет. Да куда там, сам бы в глотку впился. У меня меньшая дочка, Алёнушка, его годков.

Калинин-младший слушал, пил пиво на голодный желудок, стремительно хмелея, верил и не верил. Мир будто в одночасье кувыркнулся через голову и всё никак не мог прийти в равновесие...

Отец уже поднимал кружку казённой за нового члена Стаи, подталкивая сына в бок, когда Яков, растягивая непослушные губы в подобие улыбки, проговорил:

– А что, Кузьма Ипатьич, проверку ведь я не прошёл... Что мне теперь делать... вшивому-то?

– Сходи в баню, да поскоблись, дурень! – не дал никому и рта открыть язвительный Абдул и взрыв хохота сотряс избушку до основания, вырвался сквозь приоткрытую дверь наружу и там смешался с первыми отзвуками приближающейся грозы.

В дорожной петле

После предыдущей деревушки, Семи Осин, меня устроил бы и куда менее уютный уголок, чем это селение. Лишь бы в том уголке не хваталась за топоры, узнав, что у случайного путника нет разрешения на странствие от святых жрецов.

Они называли меня нечестивым, добрые жители Семи Осин. И в их словах была правда. Я нечасто вспоминал о душе, много грешил в пути и редко призывал на помощь богов.

У всякого человека есть дом и семья. Не с дерева же упали его родители, а перед ними – их, и так до бесконечности! У моего дома были резные ставни и бревенчатые стены, возведённые вот этими руками. А еще у меня была жена, родившая в положенное время сына.

А однажды в деревню въехали разбойники. Староста ли им не угодил, поднеся мало серебра, или довольные лица пахарей шире иной сковороды вызвали у голодранцев ненависть, не знаю. Но они начали грабить. А мой сын, как потом сказали, попал им под копыта случайно.

Я вернулся с ярмарки, взглянул в глаза жены, взял охотничий лук и пошел за негодяями. Догнал троих, отставших в пути и пропивающих наживу в таверне. И когда кровавая муть перед глазами рассеялась, вернулся домой. Вот только как прежде ничего не стало. Жена таяла на глазах, я не мог ее утешить. А из-за каждого забора нам в спину било глухое молчание.

Убийца оскверняет все, чего коснется. Земля бы родить не перестала, а то чего похлеще... Вот вернуться те... Ну, помер сопляк, так что же теперь, несчастья в деревню тащить?

Так ли думали земляки, или похоже, а когда я похоронил не перенёсшую зиму жену, то собрал скарб и ушёл из селения. В этих местах меня уже ничего не держало. И, как оказалось, в других – тоже.

Дорога скоро научила меня ценить радость случайной встречи, мимолётное доброе слово, тепло костра и редкое, но желанное пристанище в пути. Я приловчился улыбаться, даже когда на душе скребут лесные коты. Улыбка ободряет друга, смущает врага и не даёт увидеть, как тебе на самом деле плохо.

Но сейчас мне кажется, что дорога обвилась вокруг шеи и давит, давит, выжимая из лёгких воздух... Как змея. Или как петля. Если я так и не найду места, где смогу остановиться дольше, чем на день-два, то, наверное, петля-дорога выдавит из меня и последнее.

– У вас кровь.

Я тронул лоб. Да, точно, зацепился за ветку, когда отгонял собаку, маленькой эльфийке по плечу, мне – по колено. Но говорит уже не девочка, а... мать, видимо.

– Заходите в дом. Поешьте с дороги, отдохните...

Желудок яростно закричал, но я помедлил. В кошельке не звенело уже дня три.

– ...дров нам наколете, – закончила эльфийка мягко. Я снова улыбнулся и шагнул к крыльцу, чувствуя, как, пусть медленно и неохотно, но всё же разжимается на моей шее тугая петля.

И это было самое прекрасное ощущение за последнюю седмицу.

Деревенская сказка

Это очень неприятно, когда тебя называют дурой набитой. Настолько неприятно, что произнёшего такое хочется тут же, не сходя с места уничтожить. Лучше всего морально, но если язык подвешен не тем концом, а в голове от негодования сейчас, кажется, родится пара сверхновых, подойдет и грубая физическая сила.

В общем, выражаясь сухим языком протоколов, «гражданка Сеницына нанесла гражданке Иващенко побои лёгкой степени тяжести», за что та же самая Сеницына, но уже в статусе студентки и была благополучно отчислена из альма-матер.

Разбивать дочерям ректоров носы всегда считалось наиболее вопиющим нарушением устава и приравнивалось к терроризму, так что Ольга отделалась еще сравнительно легко. Вот только как объяснить не ожидавшим такого подвоха близким, что в принципе ничего не случилось и вообще все суета сует? Тем более, если сама в этом не очень-то уверена...

Конечно, дома случился ужасный скандал. Ольга, пока материнский гнев не начал иссякать, старалась говорить поменьше, глаз не поднимать, любые порывы оправдаться пресекать в зародыше и вздохнула с облегчением, когда долгий и выматывающий душу разговор наконец закончился.

За открытыми балконными окнами всюду бушевала весна, одуряюще пахло черёмухой, гремели первые утренние грузовики с арматурного, а бывшая студентка уныло думала, что мама, наверное, права. Она точно «бессердечная эгоистка», зря тратит её, матери, деньги, думает совсем не головой и ждёт такую дрянь, конечно, карьера полумойки в привокзальной тошнеловке.

Но всё-таки... Может, лучше уж так, чем разрешать всяким драным кошкам смешивать себя с грязью? Эх, что бы сказал на это папа?.. Наверное, одобрил. Он терпеть не мог таких, как эта Лерка Иващенко...

Ольга сердито смахнула начавшую было выползать из уголка глаза слезинку. Вот этого бы папа точно не одобрил. Не реветь надо, а дело делать. Совсем скоро новый учебный год и надо постараться поступить хотя бы в местный колледж, раз уж с университетом ничего не вышло...

Она долго так сидела, прислонившись спиной к холодной балконной стенке и как-то отрешенно глядя на плывущие по небу облака, пока мягкие руки не обняли ее за плечи.

– Эх, ты, Олька... – сказала мама, усаживаясь на скамеечку рядом с дочкой.

– А что я? Я как ты, – прошептала та, уткнувшись носом в такие знакомые кудряшки светлых волос и тяжело вздыхая.

Молодость у ее матери действительно была, что называется, «весёлой», с ранним неудачным замужеством, уходом из дома, ночёвками по квартирам друзей и прочими милыми шалостями. Завершилось эта песня только с приходом в жизнь непутёвой девицы не по годам серьёзного студента-медика, ставшего в будущем отцом маленькой Оли.

– Язва. Прободная, – резюмировала мама и невесело рассмеялась.

А потом жизнь так закрутилась, что это субботнее утро, пропитанное грустью, начало видеться Ольге островком спокойствия в океане хаоса.

Вернулся наконец из больницы Владик, яростно опираясь на костыль и с диким воплем радости повис на шее сестры (которой был, кстати, несмотря на юные года, на голову выше), больно стукнув гипсом по лодыжке...

Умерла какая-то троюродная тётка мамы и она, «исполняя неприятный долг», отправилась за триста километров помогать с похоронами...

Её новый ухажер, Пётр Сергеевич, имел привычку задерживаться на своем авторынке дотемна, а ужинать приходило к Сеницыным, да часто под хмельком. Ольге он, хотя был лысо-

ват и толстоват, нравился, а вот с Владиком «дядя Петя» находился в состоянии необъявленной войны. Что там между ними произошло, ни одна из враждующих сторон не признавалась, и на первый взгляд могло показаться, что долговязый рыжий пацан и солидный упитанный дядька души друг в друге не чают. Но Ольга-то видела, что еще немного – и в дело пойдёт разделочная доска, на которую с большим интересом поглядывает своими кошачьими глазами братец. Да и у Петра Сергеевича что-то уж очень вздуваются жилы на шее...

За три года вдали от дома (не считать же приезды в краткие перерывы между сессиями) Ольга явно упустила нечто важное в жизни семьи и теперь просто растерялась.

Сидеть как на иголках, ожидая скандала, было неправильно, но что делать, она не представляла. Папа всегда говорил, что Ольга бука и со своим мужем, если таковой у неё когда-нибудь и будет, наверное, станет разговаривать по большим праздникам, да и то о самом насущном.

Вернувшись с похорон мама немного разрядила обстановку, но тут у неё самой закончился отпуск, а работа встретила бесконечными авралами...

Потом в один прекрасный день полыхнула розетка, державшаяся на честном слове, запылало кресло и успел, прежде чем Ольга сбила пламя, здорово обгореть шкаф с книгами. Закопченный потолок, заметно почерневшие обои и чумазые дети, усердно пытавшиеся отскрести от пола оплавившийся нейлоновый коврик просто вынудили маму решиться-таки на много раз откладываемый большой ремонт.

За всеми этими происшествиями, перемежаемыми прогулками по родному городу и общению со старыми друзьями почти забылись прежние проблемы, институтские знакомства, не говоря уж о разных иващенкох...

Потом стало ещё веселее.

Не вынеся химических запахов, что источали многочисленные банки с краской и растворителем, принесённые бригадой строителей (Пётр Сергеевич помог), а также убоявшись обострения гастрита, сбежала из дому мама. Понятно, к кому.

Владик перешёл в девятый класс, снял гипс, и немедленно умчался с друзьями в поход к морю. Спасибо хоть не на мопеде, уже стоившем хозяину перелома со смещением...

А Ольге только и осталось, что ехать к бабушке в деревню.

Нет, ещё были варианты освоить на практике профессию штукатур-маляра, или напроситься в гости к тётке, а то и вовсе заявиться на порог к счастливой парочке со своей дорожной сумкой. Но экономисты бывшими не бывают и руками работать не любят, у тётки усы, сварливый характер и муж – контуженный афганец, а последний вариант был бы и вовсе свинством. Так что Ольга собрала вещи, купила билет на электричку и поехала к бабушке.

Бабушка выделялась в любой, даже самой большой толпе, благо с таким гренадерским ростом это совсем не сложно. А уж в жиденьком строю ожидающих вечерней электрички людей Ольга разглядела её ещё на подходе поезда к станции.

Они вместе, всё ещё по инерции радуясь встрече и улыбаясь, будто не виделись лет двадцать минимум, подходили к высокому крыльцу бабушкиного дома, когда давно уже начавшее хмуриться небо прослезилось наконец дождем.

И плакало четыре дня подряд, без обеда и выходных.

Ольга за эти дни успела очень многое.

Наслушалась деревенских историй на годы вперед. Наелась вкуснейших бабушкиных блинов и шей. Заново познакомилась с дядей Костей, братом отца, который вечно мотался по стране, да и теперь заехал в родные края буквально на несколько часов, только старенькую мать проведать. Налюбовалась на дождь за окном... до зубового скрежета.

Ей не было скучно. Скучно в гостях у бабушки просто не бывает. Сколько воспоминаний таит старая резная шкатулка, притаившаяся в шкафу, что за тихая радость охватывает при взгляде на милые морщинистые руки, всегда такие добрые и ласковые, какие сны навевают

с детства знакомые вещи и запахи... Стоит лишь немного напрячь память и ты снова маленькая девочка, которая отказывается спать, пока папа не расскажет ей сказку о злой ведьме Анемии и добром волшебнике по фамилии Валидолис...

Да и новости из дома не давали скучать.

Ремонт шёл своим ходом, зато Владик, оказывается, умудрился заболеть в своём походе сильнейшим кашлем, а так как мама была завалена работой, спасти путешественника отправился дядя Петя. Мужчины умудрились поехать домой ночью, потеряться в тумане, проколоть колесо и в конечном итоге добрались до города кашляющими, как старики, но совершенно дружными. Беспokoившаяся о семейном климате куда побольше Ольги мама хоть и получила в нагрузку двух больных, наконец вздохнула спокойно.

Нет, скучно Сеницыной-младшей не было. Но всё-таки в деревню ездят не затем, чтобы проводить дни напролет взаперти, лениво ворочаясь на кровати и подолгу уткнувшись в планшет.

Бабушка-то хоть курей покормить выходила!

И когда дождь перестал, наконец, а на небо вылезло круглое умытое солнце, Ольга натянула резиновые сапоги и поспешила во двор.

Деревня была хоть и маленькой, но вполне благоустроенной. У бабушки, к примеру, дом, пусть и старый, разваливаться не собирался, имелись и электричество, и водопровод, и телевизор со спутниковой антенной, а многие местные жили и того лучше. Не богато, но вполне прилично. Так что пьяных в обнимку со свиньями и первачом не валялось, сторевший дом был всего один, а деревенские улицы местами даже сохранили асфальт и не превратились после дождя в реки грязи. Незнакомый Ольге дядька в высоченных сапогах гнал нескольких упитанных коров, наверное на пастбище. Чья-то серая собака выглядывала из-под ворот, часто дыша. Было душно, солнце пылало как в последний раз, так что футболка Ольги моментом прилипла к телу. Воздух прорезала пара ласточек, спешащих под стреху дальнего дома, в гнездо. Бабушка открыла окно и выставила на подоконник, но так, чтобы не падало солнце, фиалку. Жизнь кипела.

Ольга прошла обе деревенские улицы из конца в конец, шлёпая по лужам и с наслаждением подставляя лицо вдвойне приятному в такую жарынь ветерку. Со знакомыми поздоровалась, рассказала о своих делах (конечно, без печальных подробностей), от ровесника, вечно перемазанного машинным маслом Васьки получила приглашение выпить вечером пива. Отказалась. Васька, кажется, особенно не расстроился. У него барахлило зажигание и что-то стучало в двигателе.

За деревенской околицей начинался редкий лесок и ноги сами понесли Ольгу туда. Когда-то там, дальше за деревьями, стояли громадные корпуса цементного завода, к которым вела хорошо натоптанная тропинка. Завод уже много лет лежал в руинах, но стёжка так и не сумела зарости. Местные ходили ей по грибы да по ягоды.

Лесок встретил Ольгу запахом мокрой листвы, пересвистом мелких птах и солнечными искрами в лужах под ногами. Яростно взвыли потревоженные комары, целыми полчищами взмывая из кустов. Бурундук, искавший пропитания в корнях, единым махом взлетел на дуб, только листва зашелестела.

Ольга улыбнулась, продолжая путь. Боже, как давно она не была на природе! Городской парк с его чахлыми деревьями и целующимися на скамейках парочками не шёл ни в какое сравнение с этим, пусть не самым густым, но настоящим лесом. Бабочки, еще не почувствовавшие прихода лета и оттого как-то робко перепархивающие с цветка на цветок, деловитые жуки, птичий свист, даже комары сейчас были приятны. Да что там, бодрости духа Ольги не испортили ни характерного коричневого цвета пластиковая бутылка, выглядывающая из травы, ни попадающиеся то и дело на тропе окурки.

Пребывая в таком солнечном настроении, она и повстречалась с котом.

Кот был большой, если не сказать громадный. Ольга и не подозревала, что такие – размером с овчарку, но намного толще – бывают. Его длинный белоснежный мех лоснился на солнце. Коту явно было жарко, он лежал на боку, вытянувшись поперёк поляны на добрых два метра и зевал, шурясь и демонстрируя розовый язык. Завидев Ольгу, котище неспешно поднялся на лапы и сел, обернувшись хвостом. Морда у него оказалась какая-то унылая, но голубые глаза смотрели внимательно. Изучающе.

– Подойди-ка сюда, – сказал вдруг зверь утробным голосом.

Как раз в этот момент Ольга всерьёз решала, сбежать ей, или нет. Встретить в знакомом с детства лесу снежного барса, или хотя бы простую рысь, конечно, вероятность небольшая, однако, как говорится, один раз и палка стреляет. Проверять не стоит. Говорящий кот же поразил её до такой степени, что Ольга судорожно вжалась спиной в дерево и вскрикнула. Колени так и норовили согнуться в другую сторону, тело пробила крупная дрожь. А кого бы не пробила!

– Да не бойся ты, – продолжило чудо природы. И девушка действительно почему-то перестала бояться, а затем и отлипла от толстого ствола. Умом она понимала, что такого не бывает, что это неправильно и жутко, а вот не боялась больше и все тут.

– Я же тебя не съем.

Судя по размерам кота, съесть он забредшую на свою поляну вполне себе мог бы, пусть и не в один присест.

– К-кто ты? И что т-тебе надо? – не сразу сумела произнести Ольга. Оказалось, чтобы голос дрожал, не обязательно бояться.

– Называй меня как хочешь, – сказал кот. Ольга при этом машинально подметила, что пасть зверь открывает не в такт словам и речь льётся будто из самых недр его тела. – А надо мне вернуть долг...

– Я ничего у тебя не занимала! – немного пришла в себя (если это вообще возможно в такой ситуации) и начала пятиться, обходя дерево, Ольга. Скорее с этой поляны, пока ещё что-нибудь не случилось. Домой!

– Не занимала, – спокойно отвечал кот. – Но ты кое-что мне подарила, а я в долгу оставаться не хочу.

А затем их глаза встретились и девушка вдруг увидела себя как бы со стороны.

Вот она с бабушкой идёт вечерней дорогой от станции к деревне...

Вот ей под ноги выкатывается колобком маленький пёстрый котенок, прижимается к земле, а из-под покосившихся заборов привокзальных огородов с лаем вылетают в погоню за беглецом разномастные собаки...

Вот она отступает, прямо как сейчас, бабушка говорит ей не смотреть накатывающейся волной своре в глаза, а маленький комочек жметесь к кроссовкам...

Вот на шум выглядывают хозяева собак, каких отзывая, а каких и оттаскивая, а самая храбрая моська чуть не получает от уставшей пятиться Ольги по носу ногой...

И вот, наконец, только трава шевелится там, где только что пробежал котенок. Все происшествие не заняло пары минут и уже через час или два было благополучно забыто...

А потом Ольга увидела совсем другую картину. Среди древних замшелых деревьев, каких-то нереальных, словно бы нездешних, под вывороченными корнями толщиной в руку свито подобие гнезда. На подстилке из сухой травы лежат едва заметные в сумерках маленькие трёхцветные котята, кажущиеся еще более крошечными по сравнению с громадным белым зверем, свернувшимся клубком рядом. Ничто не нарушает их покой и только круглые глаза светятся в призрачном свете луны...

Ольга так и приросла к месту, начиная понимать.

– Вот видишь? Как же за такое не отдарить? – проговорил кот. Морда его оставалась всё такой же унылой, но голос звучал бодро. – Загадывай желание, что смогу – исполню!

– А... – открыла было рот девушка, но тут совсем близко вдруг раздались громкие голоса и рев моторов. А через несколько мгновений на поляну один за другим выехали три мотоцикла, каждый несущий пару седоков. Кот словно в воздухе растворился, стоило отвернуться, зато в компании молодых людей, появившихся так неожиданно, обнаружилась Ленка Кузнецова, школьная подруга Ольги, приехавшая к тетке и пара знакомых ребят из местных, так что разговоры, радостных воплей и обмена впечатлениями хватило надолго. Выйти из ступора, правда, оказалось делом непростым, но Ленка растормошит даже фонарный столб, этого у неё не отнять.

Вернувшись домой с гудящей головой и наскоро поев, Ольга упала на кровать, чтобы моментально провалиться в сон. Денёк выдался уж очень насыщенный...

Проснулась она в сумерках и, лениво сидя в кровати, долго не могла понять, утро сейчас или вечер. За окнами плавали обрывки какого-то колдовского тумана, стояла тишина, только часы в бабушкиной комнате тикали себе как ни в чём не бывало. На мгновение Ольге даже стало жутковато, но дом дышал уютом и теплом, со стены улыбался совсем ещё молодой папа, в кровати что-то привычно поскрипывало. Бояться было нечего. А потом вдруг раздался отчетливый крик петуха и почти тут же зашаркала тапочками бабушка. Оказалось всё же утро...

Вчерашние похождения, а особенно фантастический кот подёрнулись за ночь дымкой сна и небыли, зато уж огненный борщ в тарелке, белоснежная сметана и, главное, сияющая как самовар Ленка, пересекающая в рассветных лучах бабушкин двор, были реальны на все сто...

Прошло два месяца. Ремонт, конечно, давно закончился. Занял он недели полторы, а не все лето, как мрачно прорицала мама. Владик с Петром Сергеевичем к тому времени выздоровели, Кузнецова, взбаламутившая всю деревню, уехала. Жить за счет бабушки дальше удобным не казалось, а потому Ольга собрала вещи и отправилась домой.

Дома же снова началась форменная катавасия, тем более, что мама не спешила возвращаться, не вынося запаха краски (а скорее желая побыть с любезным Петей наедине) и вся готовка с уборкой легли на её дочь.

Владик приволок откуда-то потёртого хомяка, определил тому жить в банке, но хомяк каждую ночь сбегал, грыз книги, прятался под печкой и вообще вносил в жизнь Сеницыных радость и веселье. В конечном итоге брат отдал его знакомым и Ольга утёрла пот со лба.

Все эти дни она не вспоминала про удивительное, случившееся с ней в деревне. Не до того было. Всплывало то одно, то другое, то третье, домашние дела прочно затянули в свой водоворот. А затем начался набор в городской политех и Ольга собирала справки, а это занятие муторное и долгое.

Да и вообще – ничего не было и быть не могло.

И только однажды ночью, когда ей отчего-то не спалось, загадочный кот пробрался в мысли девушки. За окнами кипело хлопотливое лето, все документы были наконец собраны и поданы, хомяк не угрожал любимым книжкам, неугомонный Владик давно спал, мама завтра всё-таки собиралась вернуться в родные пенаты и, пожалуй, не одна. Жизнь казалась простой и понятной. А всё-таки...

Ну кто же не хочет хоть на миг оказаться в сказке, увидеть воочию волшебство, ощутить на лице ветер других миров? Даже если всё это окажется только сном. А уж если по-настоящему...

Как там говорил тот кот? Загадать..?

Ольга грустно улыбнулась.

– Вот бы это всё вправду случилось... – произнесла она.

– Так себе желание, – сказал большой белый зверь с отражающими лунный свет глазами, появляясь на подоконнике, а оттуда перепрыгивая на кровать. – Давай другое.

Ольга широко распахнула глаза, онемев, и поверила в происходящее только тогда, когда кот, устав ждать её ответа, начал деловито вылизываться.

А потом она, конечно, загадала новое желание, но это уже совсем другая история.

Оживший зонтик

Стояло холодное и ветренное октябрьское утро, когда Фёдор Кузьмич покинул дом. В такую погоду он предпочёл бы никуда не ходить, но жена собиралась варить суп, а какой же суп без лука? Пришлось собираться в магазин.

Небо хмурилось уже несколько дней кряду, но дождя не обещали. И на том спасибо.

Фёдор Кузьмич не любил дождь, а потому никогда не выходил в хмурую погоду без своего старенького чёрного зонта. Кто их знает, этих синоптиков, соврут – недорого возьмут. Тем более, он совсем недавно оправился от простуды, не хватало только промокнуть и снова заболеть.

Зонтик Фёдора Кузьмича, не в пример хозяину, просто обожал дождь. Стук капель по туго натянутому куполу всегда приводил его в восторг, а стекающие с краёв потоки воды приятно охлаждали потёртую материю.

Да-да, не удивляйтесь. Зонтик и правда был живым. Если какой-то предмет очень долго принадлежит человеку, у него обязательно появится душа. Фёдор Кузьмич привык бережно относиться к своим вещам, и зонт прожил у него больше двадцати лет.

Вместе они объездили всю страну, побывали за границей, пережили немало ливней и один сильный град. Даже забыв его по рассеянности в трамвае, Фёдор Кузьмич обязательно возвращался за своим верным другом. А зонтик в ответ любил старика только самую чуточку меньше, чем дождь.

Зимой ему часто становилось одиноко лежать в тёмном шкафу, и тогда зонтик осторожно приоткрывал одну дверцу, чтобы наблюдать за жизнью людей. Всё не так скучно. А полкой ниже обитали рукавички Фёдора Кузьмича, которые тот не носил с детского сада, и вот их-то действительно было жалко до слёз. Зонтик часто разговаривал с ними, стараясь подбодрить. Левая держалась неплохо, а вот правая, слегка поеденная молью, всё время грозила оборвать резинку и убежать из дому, если их с сестрой так и не отдадут каким-нибудь детям.

Фёдор Кузьмич почти добрался до магазина, когда с неба прилетела и шлёпнулась ему на нос первая холодная капля. Зонтик подмышкой у хозяина повеселел. Кажется, пришло его время! Однако до заветной вывески «Продукты» оставалось совсем немного, и Фёдор Кузьмич успел оказаться под крышей раньше, чем полило по-настоящему.

Но зато на обратном пути желание зонтика исполнилось, и он был счастлив защитить своего человека от дождя. Правда, разыгравшийся ветер бросал небесную воду хозяину на пальто, но стыдиться тут было нечего. Он, зонтик со своей стороны сделал всё, что мог. Как и всегда, впрочем. Вот бы ещё прогулка подольше не кончалась!

И тут налетел вдруг особенно сильный порыв ветра. Потянул его назад, пытаясь выгнуть спицы в обратную сторону, затем влево, на мгновение ослабел... чтобы выдернуть потом из рук Фёдора Кузьмича и разом поднять на уровень третьего этажа.

Зонтик завопил от страха и неожиданности, но хозяин его не услышал. Люди не понимают язык вещей. Он лишь растерянно смотрел вверх, не зная, что теперь делать. А зонтик парил на ветру, улетаая всё дальше и дальше, выше и выше. Промелькнул чей-то балкон с забытым на верёвке бельём, мужчина с сигаретой, детское лицо за мокрым стеклом. Фёдор Кузьмич внизу быстро уменьшался. Ещё немного, понял зонтик, и проклятый ветер унесёт его в залив, если до этого, конечно, не забросит на линию электропередач. Надо было срочно что-то предпринимать.

И тогда он сделал то, чего никогда бы не позволил себе в руках хозяина. Закрылся.

Падать оказалось ещё страшнее, чем летать, но зонтик не хотел, чтобы ветер вновь подхватил его, и выжидал до последнего. Мокрый асфальт был совсем уже близко, когда он вновь раскрыл купол. Успел смягчить падение, но всё равно сильно ударился, погнув пару спиц

и почти расколов ручку. Покатился, продолжая вскрикивать – не от боли, от страха, потом замер, уткнувшись в колесо припаркованной на обочине машины.

Вот и всё, он на земле. Но что же дальше?

Зонтик искалечился при падении, перемазался в маслянистой грязи и не знал теперь, будет ли хозяин его любить, как прежде, или забросит к другим ненужным вещам.

Может быть, ему тоже суждено годами томиться в пыльном углу, как несчастным рукавичкам? Или его новым домом станет отныне свалка? Беспольный хлам рано или поздно выкидывают.

Но уже спешил к нему, не разбирая дороги, радостный Фёдор Кузьмич, и чем ближе он становился, тем сильнее пела душа преданного зонта.

До осени

Тучи не до конца ещё затянули небо, но в комнате было темно и мрачно. Смотрели из рамок на стене лица, принявшие в полумгле свинцовый оттенок. Удивительную отчётливость обрела посуда за стеклом шкафа, хотя угол, им занимаемый, скрадывали глубокие тени. Близость грозы заставила стихнуть все посторонние звуки. Мир замер в ожидании.

Тяжёлые шаги в подъезде разорвали безмолвие квартиры, а тонкие стены и не пытались им помешать. Рыжеволосая девушка подняла глаза от книги и прислушалась. Шаги некоторое время приближались, а затем постепенно начали затихать. Особенно ясно в эти мгновения разносилось по квартире тиканье будильника.

Девушка собиралась вернуться к чтению, когда вновь услышала шумную поступь и почти сразу – стук в дверь.

Оставив книгу на подоконнике, хозяйка квартиры пошла открывать.

– Посылка! – ответил на просьбу представиться из сумрака, клубящегося за линзой глазка, низкий голос.

Когда же дверь открылась, взору предстало серо-зелёное существо нечеловеческого роста. Одежда его была увешана шнурами и эмблемами, кожистая голова, бугрящаяся шишками, разевала широкую крокодилию пасть, усаженную треугольными зубами. Алел высокий гребень, венчающий голову чудовища.

– Ааа! – закричала девушка. Вторя ей, ударил гром.

– А ты, Олька, совсем не изменилась. Вот ни капельки. Хотя бы загорела, что ли, – говорил рептилоид, устроившись в большом кресле за столом. Уютно горел светильник в жёлтом абажуре. – Дверь зачем-то поменяла, а сама всё та же.

– Загоришь тут. Двадцать солнечных дней в году и все зимой, – вздохнула сидящая напротив него девушка. – Да и не липнет ко мне загар, Морис. Одни веснушки... Ты пей чай, пей. Устал, наверное, с дороги.

– Я и пью, – отвечал Морис. Он запрокинул голову, открыл пасть и вылил содержимое чашки себе прямо в пищевод. – Вкуса не чувствую, но верю на слово, что хороший чай. Цейлонский?

– Индийский, – улыбнулась Ольга. – Ну, рассказывай. Как добрался?

– Сначала машиной, потом на поезде. Не люблю поезда... Остальные дембеля поехали дальше. Их Касимов в гости зазвал: барашка кушать, вино пить. А я сразу к тебе. Что мне их барашек... На один зуб и то мало будет. Вот твоё печенье – это вещь!

– А ты изменился, Морис, – сказала вдруг Ольга, внимательно глядя на гостя. – Шутишь, как всегда, а сам уже другой.

Рептилоид в расстёгнутой парадке пожал широкими плечами.

– Как... там? Очень страшно? – тихо спросила девушка.

– По-разному, – отвечал Морис серьёзно. – Бывало страшно. А по большей части – как везде. Только колючка намотана, да дети сломанным оружием играют. Ты не верь «ящичку», Олька. Не взрывают там ничего. Уже не взрывают. Там народ совсем другой, понимаешь? Ему время нужно, чтобы успокоиться. Ну и крикунов этих, конечно, выгнать. От них вся злоба.

Ольга поднялась на ноги и отвернулась к окну, чтобы прижаться лбом к холодной поверхности стекла. Дождь так и не начался. Гроза уползала на юг.

– А Дима? – спросила девушка наконец. Голос ее звучал глухо. – Как он там?

– Да всё у него нормально, – сказал Морис. Его огромная четырёхпалая рука бережно коснулась плеча Ольги. – Недолго уже осталось. Вернётся твой сержант Кузнецов с медалью, сыграете свадьбу... Чего головой мотаешь? Я тебя, соплюшку вот такую, на санках катал, а ты мне ещё не веришь.

– Я верю, – вздохнула Ольга. – Но от этого проще не становится.

– Да знаю я, – сказал Морис. – Но ты терпи. Пиши чаще письма. Жди. Когда ждут – легче. Осенью обниметесь.

Девушка кивнула и вместе с другом они стали смотреть, как уходят тучи.

А до осени оставалось ровно девяносто семь дней.

Долина перемен

Никто в Долине тысячи ручьёв не заметил, как пришла осень. Когда дня не хватает, чтобы переделать все дела, а стоит коснуться головой подушки и тебя обнимает вечно молодой, смеющийся бог сновидений, просто нет времени следить за увяданием мира. Шум воды, блеск чешуйчатых тел на перекате, новые, вчера только найденные тропы в горах – всё это куда интереснее, чем считать дни и готовиться к переменам. Пока ты юн, перемены просто происходят и всё.

Потому Кенси очень удивился, заметив однажды, что старый клён на вершине холма стал весь красный. Прыгая вверх по камням, он отметил между делом, что его вышитая курточка почти не греет, а валуны холодят ноги сквозь тонкие подошвы тряпичных туфель. Ни разу не встретил он по дороге стрекоз и бабочек, не услышал привычных трелей птиц... Словом, юноша осознал вдруг, что мир вокруг изменился и произошло это словно бы в его, Кенси отсутствие. А может быть... может быть, он и сам теперь другой?

Кенси даже остановился, ошарашенный такой мыслью. Посмотрел на свои руки, потом на ноги, придирчиво оглядел живот. Всё как будто бы оставалось прежним, но точно сказать всё-таки было нельзя. Вот бы посмотреть на себя со стороны!

В конце концов Кенси продолжил путь. Ему хотелось убедиться собственными глазами, что клён и правда стал красным, как кровь.

Склон не был особенно крутым, и всё-таки восхождение отняло у юноши немало сил. Если как следует подумать, в последние дни он чувствовал себя каким-то вялым и ослабевшим. Не в этом ли заключалась причина чересчур скорой усталости молодого и крепкого тела?

Кенси долго не мог отдышаться, упёршись лбом в кору дерева на вершине, а ладонями – в колени. А когда перестал сопеть и отдуваться и разогнулся, стряхивая с головы несколько багряных листьев, то понял, что на холме не один.

Старый, седой как лунь мужчина восседал, скрестив ноги, у корней дерева. Кожа его была тёмной, будто камень, а глаза скрывали тяжёлые набрякшие веки.

Кенси удивился старцу. В долине он его не видел до сих пор ни разу. Как древний дед вообще сумел вскарабкаться на такую высоту, да и зачем?

– Присядь со мной, – сказал вдруг старик. – Ты устал, а дело к вечеру.

И действительно: солнце, совсем недавно всходившее над домами селения, хоть и стояло пока ещё высоко, уже явно катилось на закат.

– Кто ты такой? – спросил Кенси и уселся рядом со стариком, приняв ту же позу, что и он.

– Меня зовут Пернатый, – отвечал на это загадочный старец, почти не разжимая губ, так что понимать его было нелегко. – Я сижу здесь уже несколько дней и очень проголодался.

Кенси решил, что сумасшедший дед не знает, как слезть вниз. Ну и поделом: нечего было взбираться на такую кручу! И всё-таки юноша достал из кармана горсть орехов и мелких яблок и разделил трапезу с Пернатый. Он и сам был голоден.

– Скажи мне, уважаемый, отчего листья больше не зелёные? – спросил Кенси наконец. – Что-то происходит в мире, только я не могу понять, что.

– Осень пришла в долину, – отвечал старик просто. – Она всегда приходит в это время. Ты ведь не удивляешься тому, что слива давно уж отцвела и сбросила плоды, а карпов в ручьях сменили налимы.

Кенси прикусил губу. До произнесенных старцем слов он как-то не задумывался о происходящем, воспринимая его как должное. А ведь и правда, всё теперь совсем не так, как было раньше, до этого. А до этого всё было не так, как тогда, совсем давно. Что было раньше этого «давно», юноша, как ни старался, вызвать из памяти уже не мог. Он хорошо помнил, как набивал карманы вишней и земляникой, как ловил плотвичек и гольянов на стремнине,

как взбирался на деревья и прятался в кустах, желая подшутить над товарищами. Как следил за блеском солнца на спинах форели и с хохотом бегал от пчёл, не желавших делиться мёдом. А вот раньше... Что же было раньше? Голова Кенси заболела от усилий, но вспомнить всё равно ничего не удалось.

Так они и сидели вдвоём на вершине холма, молчали, а кленовые красные листья падали им на головы и колени.

Кенси не заметил, как вокруг стемнело и только всё усиливающийся холод вывел наконец юношу из раздумий. Он с трудом разогнул затёкшие ноги и удивленно огляделся кругом. Темень стояла непроглядная, даже луна зашла за облако и только звезды дарили прозрачный холодный свет, почти не достигающий земли. Кенси с тревогой представил, как он в такой темноте будет спускаться вниз, да ещё и старика за собой волоочь. Не оставлять же его здесь, убогого. Промается вот так на вершине ещё пару дней и замёрзнет до смерти. Кенси хотел уже было спросить у продолжавшего сидеть без движения деда, нет ли у того хоть огня высечь, когда и так скудный свет звезд закрыла чёрная тень. С мягким шелестом с небес спускались большие, много больше Кенси существа. Основная часть их, плавно скользя по воздуху, разлетелась над Долиной, а трое небесных посланников снизились прямо перед юношей и стариком и опустили на ковёр из палых листьев и упорно не желающей сохнуть упругой травы.

Кенси глядел на пришельцев во все глаза, но почему-то совсем не боялся. А ведь испугаться было, от чего. Крепкие, покрытые чешуйчатой бронёй тела держали могучие лапы – у кого четыре, а у кого и шесть. Головы венчали рога и шипы, тяжеловесные хвосты и тускло блестящие в пастях клыки выглядели устрашающе. И всё-таки Кенси не боялся.

– Больше никто не пришёл, Пернатый? – гулко проговорило одно из чудищ.

Юноша даже не удивился, когда, повернув голову, увидел на месте старца почти такое же существо, что и спустившееся с неба. Разве что вместо чешуек оно было покрыто белыми гладкими перьями, да хвост больше напоминал фазаний.

– Никто, – сказал Пернатый таким глубоким голосом, что у Кенси на мгновение замерло сердце.

– Ну что ж, – протянуло первое чудовище. – Да будет так.

Потом оно повернуло светящиеся лесными гнилушками глаза к Кенси и стало рассказывать.

Юноша во время этого повествования несколько раз отвлекался, то вдруг вспоминая что-то очень важное, о чём до этой ночи и думать не думал, то начиная понимать доселе непонятное. И всё же голос невероятного зверя не просто звучал в ушах Кенси, он проникал, казалось, в каждую пору на теле юноши, заставлял дрожать каждый нерв его тела. А главное – этот голос вызывал в голове необычайно яркие, подробные картины, которые невозможно забыть. Даже думая о своем, Кенси запомнил каждое произнесённое слово.

Когда рождается новый дракон, он долго остаётся слепым и слабым, а многие, даже окрепнув, так и не доживают до пробуждения разума и остаются дикими тварями всю свою краткую жизнь, пока не погибают в очередной схватке за пищу и охотничьи угодья. Редкий новорождённый переживает десятую зиму. Так записано в древних легендах, так было от начала времен.

Могло бы так продолжаться и впредь, если бы мудрейшие из мудрых драконов, истинные повелители небес не обнаружили некогда способ обращать юных неразумных детенышей в человеческих детей, а самим принимать облик взрослых. Людям для жизни незачем большая территория, люди меньше едят и, в силу своей короткой жизни, быстрее взрослеют.

Но даже и с этими новыми умениями тяжело было растить молодое поколение, ведь род человеческий ещё и так подвержен болезням и увечьям. Лишь спустя долгие годы трудов и вычислений было найдено новое решение.

Отныне немного подросших и набравшихся сил дракончиков обращали в людей и отправляли в эту чудесную долину. Здесь нет места болезням и злу. Само время идёт здесь не так, как в мире вокруг. Один день может обернуться неделями, а способен уместиться между двумя взмахами крыла бабочки. В долине для маленьких обращённых приготовлены дома, растут щедро ягоды и фрукты, в ручьях не переводится рыба, а в лесах птица и мелкие звери. Здесь юные драконы растут, учатся добывать пищу, познают мир, как и завещано предками. Родители не должны слишком долго опекать взрослеющих драконят, а в человеческом обличье они растут так быстро...

Лишь раз в году, осенью границы двух миров истончаются на несколько дней. Приходит время тем драконам, что уже выросли и осознали себя, возвращаться к своим.

Он, Кенси – дракон. И только он из всех, живущих в селении ощутил грядущие изменения, услышал безмолвный зов Пернатого, пусть даже в последний день перед восстановлением границ.

– Эта долина названа в честь множества ручьёв, но есть у неё и другое имя, – сказал дракон напоследок. – Она зовётся Долиной перемен. Не каждый, имея еду, свободу и тёплый кров, не зная забот и болезней захочет что-то менять в своей жизни. Для тех, кто ещё не готов покинуть это место, мы приносим вдоволь припасов на зиму и тёплую одежду, и до весны те редко покидают жилища. Хоть они и не в драконьей шкуре, но всё равно понемногу, один за другим впадают в спячку. А проснувшись весной – забывают всё, что было в прошлом году и история повторяется сначала. Тем, кто так ничему и не научится, не пожелает чего-то большего, не устремится к новой жизни, оставаться здесь вечно. Лучше уж так, чем драки за самку и воровство коров с людских пастбищ. А тебе здесь больше не место, дитя.

– Значит, кроме меня сегодня никто не... не повзрослеет? – с трудом подбирал слова Кенси. – И я могу не увидеть их больше?

– Это так, – сказал Пернатый. – Ничего не поделаешь, таков порядок вещей.

– А ещё мы принесли новых драконят, – добавил молчавший до этого дракон с витым рогом во лбу. – Для них всё только начинается.

Тем временем одна за другой возвращались крылатые тени, разлетевшиеся по селению ещё до начала разговора. Никто из юных жителей долины за ними не следовал. Могучие драконы не смогли бы в таком количестве уместиться на вершине и описывали круги над головой Кенси.

– Ночь на исходе. Нам пора покидать это место, – сказал Пернатый. – Ты полетишь со мной, мальчик мой.

– Там мои друзья... – нерешительно протянул Кенси.

– Они ещё не готовы. Гляди, все спят, ни в одном окне нет света, – отвечал на это старый дракон, поведя лапой. – Мой зов услышал ты один. Но не отчаивайся. Может быть, в следующем году ты их увидишь.

– А может... – начал Кенси тихо, сбился, а потом заговорил уже громче, увереннее. – Может быть, я поговорю с ними? Сейчас? Ведь есть же ещё немного времени, да? Вдруг они поймут.

Пернатый взглянул на Кенси сверху вниз, а потом ухватил одной лапой поперёк тела, оттолкнулся другими и взмыл вверх. Но не утащил вздорного мальчишку к таинственной границе миров, как успел уже подумать и испугаться Кенси, а мигом преодолел путь до окраины селения, где опустил юношу на землю.

– Говори быстрее, наше время здесь на исходе! – напутствовал он уже бегущего во все лопатки Кенси вслед. Юноша исчез во тьме, ничего не ответив.

Некоторое время Пернатый ходил туда и сюда в ожидании, потом немного посидел, вглядываясь в ночь. Затем он поднялся в воздух и облетел селение кругом. В одном приземистом длинном доме неярко светились окна, но во дворе никого не было.

– Старейший, пора в дорогу! – крикнул ему один из драконов, прилетевший от холма.

– Знаю. Но подождём ещё немного. Иначе мы рискуем вернуться в племя ни с чем.

Сказав так, Пернатый сделал ещё несколько кругов над жилищами, но из дома со светом так никто и не вышел.

– Старейший... – на этот раз к нему приближался тот самый дракон, что рассказывал Кенси о Долине перемен.

– Оставь титулы, Сказитель. Ненамного-то я тебя старше. Иначе мне придётся звать тебя Хранителем древних знаний, Велеречивым и Многомудрым.

– Хорошо, хорошо, Пернатый... уговорил. Чего ты медлишь? Парень испугался и убежал! А если и нет, у нас всё равно не осталось времени его ждать. Скоро рассвет.

– Ты прав, друг, – произнёс Пернатый грустно. – Он уже не вернётся. Улетаем.

Два дракона быстро присоединились к остальным, уже начинающим забирать вверх, к тускло мерцающей выше облаков небесной двери. В этом году посещение Долины для них закончилось ничем.

– А все-таки жаль, что... – начал было Сказитель, но тут прямо перед ним из облачной толщи взвился свечой молодой дракон с длинным, как у воздушного змея хвостом. На его спине, отчаянно цепляясь за что придется, лежали юноша и девушка.

– А я правда тоже так смогу? Ну, как ты, Кенси? – верещала девчонка, захлёбываясь от восторга. Её спутник вопил без слов и хохотал. Какой же настоящий дракон испугается полёта!

– За мной, молодёжь! – крикнул что есть мочи Пернатый, заметивший, как начинают дрожать и блёкнуть края портала и метнул своё тело в проход. Всё ещё не оправившийся от изумления – вот это да! Без помощи старших научиться оборачиваться! – Сказитель ринулся за ним.

Кенси успел проскользнуть за стариками в последнюю минуту, да и то с третьего раза. Всё-таки это был его первый полёт. Юного дракона мотало в воздухе из стороны в сторону и всё же он смеялся, как безумный, вторя друзьям. Для них троих наступало время перемен.

Империя в опасности

– Итак... Сейчас вы расскажете мне всё без утайки. Не пытайтесь лгать, это может быть чревато... последствиями. Вы ведь не хотите отправиться на виселицу, правда?

– Зачем же мне лгать, господин? Простите, не знаю вашего имени...

– Старший дознаватель Шенк. Что ж, похвально. Весьма похвально. Ложь ещё никому не позволила уйти от ответственности. Ну, приступим. Первый вопрос: правда ли, что вы, являясь сотником святого непобедимого войска императрицы Желтофиоль – да здравствует она десять тысяч лет – посмели прилюдно усомниться в её умственных способностях? Секретарь, записывайте!

– Да, господин старший дознаватель. Но хочу сказать, что...

– Подождите! К этому мы ещё вернёмся. Вопрос номер два: верно ли то, что вы дерзнули отвести боевые машины, командиром которых даже не являлись, с позиции на передовой к самым стенам крепости?

– Я бы хотел затащить их в саму крепость, господин. Но ворота уже успели завалить изнутри. Да и времени на разборку всё равно не оставалось.

– Так! Значит, вам стало жалко наших врагов? Это же измена, разве не ясно?

– Со всем уважением, это не так.

– Требушеты должны были атаковать орды противника первыми и нанести значительный урон, зачем же отволакивать их назад, позвольте узнать?

– Чтобы не потерять преимущество в самом начале сражения, господин. Метательные орудия перебрасывают камни через наши ряды, сами оставаясь в безопасности за прочными стенами. Разве это не разумно?

– Не вам судить! Вы обязаны исполнять приказы, а не нарушать их! И уж тем более – не подбивать на измену наших лучших инженеров, цвет Империи! Что ж, хорошо, с этим ясно. К счастью, коварному врагу не удалось опрокинуть защитников крепости, даже несмотря на все ваши усилия. Их рати были успешно отбиты, притом с большими потерями. Но зачем, ради всего святого, вы заставили своих людей засыпать поле боя триболами? Императрица проколола ногу и не смогла повести свою победоносную гвардию в атаку! По чьему наущению действовали? В глаза смотреть!

– Мой отец был полководцем при старом императоре...

– Да, да, я знаю! Заслуги сэра Рэндолла (да хранит его вечное небо) вас не спасут.

– Господин старший дознаватель, я всего лишь хотел сказать, что этому меня научил когда-то мой отец. Чеснок хорошо зарекомендовал себя в битве при Лэ... Я подумал, что дополнительная защита от конницы врага не помешает. Кроме того, со мною были солидарны тысяцкие и даже сам...

– Довольно!

– Я говорю правду! Никто не думал, что императрица решит отправиться в бой против десяти тысяч врагов с малым отрядом, не предупредив даже лорда-командующего. Он бы указал её величеству безопасный коридор! Видя такое, я позволил себе сгоряча нехорошие слова, но...

– Я же сказал, довольно! Ложь, поклёп, ковы! И на кого? На таких людей! Увести мерзавца, бросить в темницу! Вы всё записали? Можете быть свободны. Беседа с этим отребьем утомила меня, отложим дела на потом.

Когда секретарь исчез за дверью, старший дознаватель встал и медленно подошёл к створчатому окну. Его лицо кривилось, как от зубной боли. Сотника нужно было спасать. Побег, самоубийство, холера... Что угодно, лишь бы успеть до того, как Желтофиоль выберет себе новые тупфли взамен испорченных колючками чеснока. К счастью, примерка пока осложняется

изрядным слоем бинтов, сделавшим изящную ступню императрицы похожей на колоду. Но как только опухоль спадёт...

Медлить нельзя. Уязвлённая гордость привыкшей сражаться в первых рядах правительницы не позволит ей простить ослушника. Роли не сыграет даже тот факт, что каждая подобная вылазка стоит жизни сотням воинов, защищающих госпожу телами, а значимый эффект приносит далеко не всегда. Да и кто посмеет сказать великой императрице, что она неправа? Что её сказочная удача и легендарная неуязвимость в бою не распространяется на других? Нет таких смельчаков. Что там говорить, большинство вовсе не видит в поведении государыни ничего странного! Иногда кажется, будто их кто-то околдовал...

Нет, Рэндолла-младшего точно надо вызволять. Лорд-командующий не простит ему смерти храбреца. Если всё сложится удачно, тот станет уже семьдесят седьмым членом их тайной организации, созданной во имя спасения Империи... и здравого смысла. А однажды – Шенк твёрдо в это верил – за ними пойдут тысячи людей без фанатичного блеска в глазах. Людей, способных думать, а не слепо подчиняться. И тогда... Впрочем, настолько далеко он пока загадывать не смел.

По двору замка прокатили тележку с туфлями на высоченных каблуках, а за ней ещё две – с кольчужным бельём. Дознаватель отвернулся от окна и с трудом подавил желание громко выругаться. Нельзя, доносчики повсюду. Вместо этого он долго стоял, сложив руки на груди, и наблюдал задумчиво, как ползёт по столешнице солнечный луч. Стоило поразмыслить как следует.

Наконец, всё было решено. Самоубийство. Нелегко проверить, но зато избавляет от множества вопросов. А лишние вопросы, как известно, не нужны никому.

– Разум да восторжествует, – произнёс Шенк негромко, а затем стремительно покинул комнату. День обещал быть чертовски длинным.

Загадка природы

– Выросло у нас, сынок, как-то дерево сливовое, чудесное. Высотой, значит, саженой двадцать, а на самой верхушке плод, да такой, скажу тебе, крупный, да такой ароматный! Не захочешь – облизнёшься. И никто тот плод сорвать не мог, как ни пытались. Карабкаться начнёшь, так либо шлёпнешься разом, либо глаза листьями поранишь. Коли и доберёшься до середины – непременно или ветки слишком тонки окажутся, или руки-ноги ослабнут. Лестницу приставишь – вместе с нею и упадёшь.

Но это всё бы ещё ничего. А вот когда осень пришла, а слива как висела, так и висит, трясина не трясина, тогда послали за мудрецом.

Мудрец усы в пиве измочил, коржиков пожевал, да и указал: дерево не трогать, а только ждать, что будет. Ибо такова загадка природы, а загадка... как то бишь её... «загадка есть продукт таинственный и человеческому пониманию недоступный». С тем и уехал.

Осень прошла, зима лютует, а слива знай себе висит. Крутобока, красна. От мороза да ветра ничуть не скукожилась, даже больше стала. Чудеса, да и только. Хотели уж было срубить дерево от греха подальше, да слов мудреца побоялись. Природа ведь она того... Загадка, одним словом!

Так и весна незаметно вернулась. Морозы на убыль, ледоход вовсю. Отмучились, стало быть. Глядим, а слива-то, никак, падать собралась! Да и пора бы уж: выросла с целый арбуз, ствол под весом таким гнётся. Опять за мудрецом послали. Пришёл под парусом, угостился, как положено, велел сызнова ждать. Теперь уж, правда, и сам остался. День прошёл, второй, третий, мудрец как будто домой засобирался. Скучно, да и недосуг. Человек учёный, понимать надо. А на четвёртый день, с утра самого, как затрещит вдруг в дереве что-то!

Все, конечно, к сливе, мудрец с портняжным аршином несётся – чудесный плод, стало быть, в объёме измерять. В книгу потом занести грозился. Ветка, зрим, надломилась, едва держит. Таковую-то махину поди, удержи! Бабы плачут: сочувствуют, знать. А потом, как совсем в той ветке сила иссякла, так и грохнулась слива наша оземь. Треснула аккуратно посерединке, а там, где косточке быть, зверь оказался крылатый. Сам чёрный, глазищи как у кошки, и хвост змеиный. Мудреца первым делом облапил и как не тянули, сойти не желает. Так бедняга со зверем тем в город и ушёл. А и поделом: куда ж ты, голова учёная, первым в незнакомую трещину-то лезешь.

Говорят, дружба у них теперь. Днём книги умные читают, а по ночам – милое дело! – рыбалка с охотой. На крыльях куда хочешь добраться можно.

А слива та ох и кислоющая же оказалась, всей деревней три дня отплеиваться не могли. Небось, незрела ещё.

Приезжали к нам по первости всякие, всё смотрели, языками цокали. Да толку ли! Дерево сухое стоит, ни листочка. Все силы в зверя летучего ушли, не иначе. Потом, конечно, отстали. Какой интерес на него, неродящее-то, глазеть.

А было это... Как бы не соврать... Да, пятнадцать лет назад.

Что говоришь? Байка, мол? А под окном, глянь, чего с ветки свисает? То-то. Вторую зиму уже соком наливаются. Жердями опять же подпираем, чтоб раньше времени не упала, да созрела, значит, как следует. А со стороны теперь звать никого не станем, нет. Ни к чему это. У нас загадка природа народилась, нам и собирать, выходит. Мы, сынок, нынче до загадок большие охотники!

Лесные встречи

Так уж получилось, что в тот лесок я забрёл перед грозой. Не стоило, конечно, этого делать. В заплечном мешке под одеялом, остатками провизии и прочими необходимыми вещами было спрятано целое богатство – десять корней мандрагоры, и те тяготы, с которыми мне удалось их добыть, могли бы и научить меня кое-чему.

Но хотелось передохнуть, забыть грозные крики сторожей, пение стрел над головой, перекусить. А гроза... Что гроза? Приходилось и в снегу спать, и бродить часами по пояс в осенней стылой воде и много чего еще. Лишь бы заказчик платил.

Вот только теперь, стоя в середине небольшого, собственно, леска, до этой минуты казавшегося редким и светлым и не понимая, с какой стороны только что пришёл, я ощутил вдруг укол страха. Я мог бы поклясться, что пересекал осинник с редкими берёзами на старых горях, шел мимо группок дубов и ясеней. Теперь же кругом, куда ни глянь, топорщились неприветливо елки; увитые лимонником тисы бугрились наростами; воздух, и до того густой и тяжёлый, стал и вовсе – хоть ножом режь.

Пахнуло прелью и цветами. Как там, в том клятом лесу, из которого я так спешно бежал седмицу назад. Только в нём еще на каждом суку сидели круглоголовые и красноклювые совы, а в палой листве под ногами то и дело шныряли змеи с жёлтыми щеками.

Если увижу хоть одну такую тварь здесь – решу, что боги от меня совсем отвернулись. Но и без того превращение мирного редкого леска в зловещую тайгу заставило сердце сжаться, а рука сама потянулась к оберегам на груди.

От ощущения знакомых резных знаков в пальцах стало чуть спокойнее, но морок не спешил исчезать. В вершинах деревьев загудел ветер, небо уронило первые капли, каким-то чудом пробравшиеся сквозь переплетение ветвей, иголок и листьев для того, чтобы упасть на мою давно нечёсаную голову.

«Ничего, – сказал я сам себе, – это только мираж. Глупые чары тёмного и неведомого народа. Боги мне помогут.»

И я пошёл вперёд, палкой раздвигая кусты, и дорогой взывал шёпотом к богам. Чтобы в такой яркий августовский день творилось подобное беззаконие... Неужели позволят?

Не знаю, услышали ли меня небожители, но вокруг ничего не менялось. Всё те же лапы елей, кустарник, холодные капли дождя, бегущие за шиворот, поразительно быстро раскисающая земля под ногами и растущее чувство беспокойства. Влажный донельзя воздух заставлял то и дело утираться, в лицо лезла паутина, дождь усиливался с каждой минутой. Я решил переждать ненастье под ёлкой.

Вот уж где должно быть если и не сухо, то по крайней мере терпимо находиться.

Первые несколько мгновений так и было, а потом... Я ощущал спиной морщинистый сучковатый ствол, ветки над головой были вполне вещественны, но дождь словно огибал их и, насмехаясь над поднятым мною воротником, упрямо лил под одежду, превращал почву под ногами в болото, а волосы – в слипшиеся сосульки, лезущие в лицо. Я не выдержал долго, перебежал под другое дерево, казавшееся мне ещё гуще, но история повторилась и там.

Я был уже весь мокрый, усталый и заметно продрог, несмотря на летнюю пору, когда по лесу пронёсся порыв ветра. Каким-то образом он проник меж стволами деревьев, стоящими так часто, что дальше уж некуда, и с тех пор дул и дул, не переставая. Я не сразу осознал, что не так, а когда понял – поёжился. Ветер явственно пах морем, до которого по самым скромным подсчётам было семь дней пути и был холодным до омерзения. Дело начинало принимать нешуточный оборот.

Я вышел из-под не спасающей от дождя елки и, найдя за всё гуще собирающимися тучами краешек солнца, а там уже и юг, оборотился к нему. Оттуда шли и шли легионы туч, оттуда дул

этот промозглый ветер, пропахший солью, оттуда я держал путь домой. Там, в лесных чащобах, далеко-далеко от обжитых мест, уже очень давно поселилось племя сморингов. Этих странных низкорослых созданий с горящими зелёными огнями глазами, светловолосых и длиннопалых, поклоняющихся своим, неведомым богам. Это они, бесстрашно забираясь в самую дичь и глушь, собрали в своём маленьком лесном селении целую грядку так необходимой людям с деньгами мандрагоры.

И, похоже, собирались примерно наказать осмелившегося их ограбить.

Всё это промелькнуло в моей голове за несколько мгновений, но я не утратился. Пусть даже с меня течет, как с дырявой крыши, а колдовской ветер пробирает до костей, пусть под ногами чавкает и хлюпает.

Холод не тот, чтобы от него умирать, я даже не простыну, хотя, конечно, приятного в нём мало.

Дождь тоже когда-нибудь кончится, он не может идти вечно.

Ворожба сморингов не сломит меня.

Приободрённый этими мыслями и готовый терпеть до морковкина заговенья, я вновь юркнул под ель, быстро достал из мешка одеяло и укутался в него. Дождь уже не мог проникнуть ко мне под одежду, ветер стал ощущаться слабее. В фляжке, как я знал, сохранялось еще глотка три отличного вина, имелось и вяленое мясо, и сушёные фрукты.

Не-ет, до следующего дня вам точно меня не одолеть, а терпеть происки каких-то жалких шаманов из запсезлого племени боги явно не будут и такой краткий срок. Может, уже прямо сейчас порыв тёплого западного ветра разгонит всю эту хмарь, вновь засияет солнце и сквозь лесок напросвет будет видна старая южная дорога, ведущая к дому, до которого остался всего день пути.

Я чуть подождал и, когда ничего этого не произошло, пожал плечами. Можно и потерпеть.

А солнце тем временем окончательно скрылось в тучах, под моей ёлкой стало темно. Однако уже через миг небо прочертила рогатая молния, да такая, что я невольно вздрогнул. А за ней ещё и ещё одна.

Звук пришёл потом и он был страшен. Казалось, прямо у меня над головой великан ударил во что-то неопишимо большое и гулкое.

Разом пригнулись вершины деревьев, озарённые очередной молнией, на меня пролилось, должно быть, махом бочки две воды и я упал, закричав в полный голос от страха. С этой минуты молнии били не переставая, грохот стоял ужасающий, я не слышал себя самого. Хотя вопил, сжавшись в комок на раскисшей земле и мешая слова проклятий и молитв.

Как скоро наступила полная тишина и я себя вновь осознал человеком, а не червём, копошащимся в грязи – не знаю. Могло пройти несколько минут, могли часы. Я лежал на спине, в лицо мне летел крупный водяной горох, я был слаб и растерян.

И вдруг я всем своим нутром почувствовал, что это затишье неспроста, что грядёт нечто ужасное. Со стоном метнулся я из-под дерева, различая в темноте лишь очертания окружающих меня предметов.

Через несколько шагов лес осветился, как в полдень, но неживым светом, меня ударило в спину, сбив с ног и сбросило в яму, полную дождевой воды. Тихо подвывая, я немедленно начал из неё выбираться, цепляясь за корни, а в небесах уже вновь бушевала непредставимая гроза. Ветер чуть не сшиб меня обратно в яму, дождь бил, как плеть, но я благодарил богов от всей души. Елка, что служила мне пристанищем, была расколота до корней, а в плотной коже мешка засела щепка длиной в локоть, летевшая мне прямо под левую лопатку.

Потом я брёл, уже мало что соображая, по лесу. Надо мной сверкали молнии, уши закладывало от грохота, мимо, казалось, проплывали тени не то животных, не то людей...

Утомлённый, я присел под сросшимися стволами тисами, закрыл глаза и сам не заметил, как заснул. Видимо, запас моих сил иссяк намного раньше, чем я опрометчиво полагал прежде.

Проснулся я чуть более свежим, но кругом ничего не менялось и ничто не указывало на возможность спасения.

И лишь потом я заметил его.

Маленькое, с барсука размером создание с громадными белёсыми глазами на плоской треугольной мордашке жалось к моему боку и дрожало всем тельцем, покрытым короткой шёрсткой. Это я рассмотрел в очередной вспышке молнии, оказавшейся на некоторое время последней.

Глаза зверька, или какого-то иного создания, которого я ранее никогда не видел, чуть светились в темноте и с ним было как-то спокойнее.

Оно могло оказаться хищным, вороватым, ядовитым, просто опасным, наконец, но сейчас мы оба были просто мокрыми и несчастными бедолагами, испытывающими страх.

Я осторожно положил руку на макушку малышу, тот вздрогнул, однако не убежал, даже не отпрянул, а когда небо разрежала очередная молния, взобрался ко мне на колени. Так мы и сидели – долго, наверное – оцепеневшие, дрожащие от холода и страха. В голове не было ни одной светлой мысли, уши давно и прочно заложило от грохота.

Неожиданно в лесной чаще вспыхнул один огонёк, второй, третий, ясно различимые в промежутках темноты между вспышками молний. Их становилось всё больше, я так и подался вперёд. Неужели кто-то идёт с фонарями? Они спасут нас! Я готов был уже крикнуть, чтобы шли скорее сюда, но тут огоньки ещё чуть приблизились, стали яснее, и я закричал совсем о другом и так громко, что даже сам себя услышал. Это были не фонари, а глаза. Зелёные яркие глаза сморингов, идущих забрать своё. Они победили, довели жертву до полного изнеможения и теперь хотели отнять её жизнь. А заодно и то, что было у них украдено.

– Нет, нет, не подходите! – кричал я в ужасе и, наверное, плакал. – Не дамся!

Хотя это было и бесполезно, я потянулся за кинжалом. Мелькнула мысль бросить им мешок. Пусть забирают бесценные корни, пусть берут всё и уходят. Только бы оставили в покое...

Маленькое создание завозилось у меня на коленях. Я, всё ещё раздумывая, что делать (бежать ли, бросив вещи, защищаться ли), уже поднимался на ноги, когда увидел глаза и с другой стороны. В первое мгновение мне показалось, что сморинги обошли меня с тыла, отсекая пути к бегству.

Но глаза были больше, тусклее и не зелёные. Я сморгнул, пытаюсь лучше рассмотреть, что ещё за очередная напасть на мою голову и глаза исчезли. Вместо них вдалеке ясно виднелся живой тёплый огонёк костра. Кажется, ветер донёс сквозь непогоду даже запах дыма...

Тут уже я не стал ни о чем раздумывать, а бросился на свет огня, разбрызгивая грязь и оскальзываясь.левой рукой я прижимал маленькое белое существо к груди, правой, вырванной кинжалом, торопливо раздвигал норвящие выбить глаза ветки.

Пожалуй, ни до, ни после этого так бегать мне не доводилось ни разу. Огонь приближался, мой спутник, которого я не смог оставить одного во тьме, цеплялся за мокрое одеяло, всё ещё висящее на мне. Ярилась гроза. Сослепу я обнял чёртово дерево, отшатнулся, чуть не упал, но всё-таки проломил грудью сплетение кустов и... выскочил на чистую лесную полянку, поросшую по краям осинами. С ветвей сорвались перепуганные сороки, из моего объятия вырвался и шмыгнул в траву не то бобёр, не то барсук, не то хомяк. Каждая часть его тела говорила о некоем определённом виде зверя и каждая о разном.

А от костра испуганно смотрела на меня светловолосая девушка, инстинктивно подтягивающая ближе корзину с ягодой. Я ещё успел осознать, что дует тёплый западный ветер и светит сквозь разрывы в тучах солнце, прежде чем измученное сознание меня покинуло.

Можно долго рассказывать о том, как я приходил в себя, пытаюсь понять, где граница между сном и явью и окончательно запутываясь. Или о том, как девушка (её зовут Рония) всё выпрашивала меня, отчего я такой мокрый, всклокоченный и весь в колючках. Или как она лечила меня от простуды и взяла клятву обязательно навестить в будущем её скромное целительское жилище на опушке леса.

Или о том, как мандрагора заплесневела и заказчик заплатил мне четверть обещанного. Или о долгих-долгих ночах, наполненных кошмарами и вечерах, полных раздумий.

Но лучше я расскажу о том сне.

Он пришёл на вторую седмицу после того, как я вывалился к спасительному костру. Сон был очень яркий, чёткий и я отчего-то точно знал, что он вещий. Во сне я лежал на зелёном травяном ковре, а надо мною склонялось большое белое существо со светлыми глазами на треугольном лице. Ни я, ни оно не произнесли ни слова, не издали ни звука, общение наше было мысленным и, право же, оно и к лучшему. Словами нам пришлось бы объясняться слишком долго.

Я узнал, что существо это – лесной дух и он строго судил меня за прегрешения. Да, я совершил за жизнь много беспутств.

Промелькнула и погасла череда лиц, мест, событий. Дольше всех держались и последними пропали призраки строгих ликов с полыхающими зелёным глазами.

Но была и другая череда, замыкал которую образ мокрого напуганного малыша, жмущегося к человеку.

Мне показалось, что второй ряд куда как короче, я затосковал, однако дух улыбнулся и тронул меня своей большой и мягкой рукой.

У него больше сотни детей, но каждого он любит одинаково сильно, будь тот даже совсем не подарок. И будет рад еще одному сыну, пускай и не родному. Он звал меня...

Я обомлел, проснулся и долго сидел, чувствуя, как разжимается что-то внутри.

А сейчас я стою на полянке, окружённой осинником. Смотрю на неспешно приближающиеся в сумерках две пары белёсых глаз, втягиваю запах влажной травы и кипящего у Ронии на плите супа и, преодолев неожиданную робость, готовлюсь опуститься на колени.

Островная история

– Святой Панталочка! Дракон! – крикнула какая-то женщина и мгновением позже в небо устремились сотни глаз.

Площадь Мужества в этот августовский вечер была до отказа заполнена собравшимися на торжество людьми. Дочь короля, прекрасная Люсиль, завтра поутру выходила замуж за принца соседней державы, а в преддверии этого события монарх по обычаю устраивал своим подданным праздник.

У короля, к некоторой его досаде, было много дочерей – целых семь – и горожане успели хорошенько выучить программу мероприятий. Сначала к ним выйдет епископ и будет долго говорить с помоста. Эта часть церемонии, наполненная благочестием, невероятно скучна и служит всего лишь разминкой перед основными событиями вечера. Вслед за епископом всегда приходит очередь главного советника. Тот говорит мало, горстями мечет в народ серебро, но все знают, что это он притворяется добреньким, а на самом деле вор, мироед, да к тому же иноземец. Советники – они все такие. Потом бывает факельное шествие, раздача вина, праздничная иллюминация... А вот никаких драконов в программе не значилось!

Толпа встревожено заколыхалась, истошные вопли ужаса, перемежаемые плачем и залившимся лаем окрестных собак, поднялись в небо, где парило крылатое чудовище.

Ярко светились его круглые глаза, из пасти с гулом вылетали снопы искр и клубы чёрного дыма. Заложив крутой вираж, дракон резко пошёл на снижение, чтобы с рёвом пролететь над головами разом бросившихся навзничь добрых жителей столицы, миновать богато украшенный помост и, едва не задев крылом низкие крыши домов, устремиться к королевскому дворцу.

Резиденция правителя, выполненная из розового мрамора, светилась множеством огней: готовился очередной предсвадебный банкет для сановитых гостей, съехавшихся ради такого события со всего света. Горделиво трепетали флаги с красной чайкой на белом полотнище – знаком короля. Из-за прикрытых от мошкары окон доносились звуки передвигаемых столов и плохо настроенных инструментов. Дворец жил собственной жизнью, не подозревая о нависшей над ним угрозе. Дракон тяжело приземлился на четыре лапы разом и не сразу остановился, проборонив плотно пригнанные камни брусчатки словно мягкую землю. Перед ним предстал чёрный ход, у которого теснилось дюжины две экипажей, несколько осёдланных коней и даже самодвижущаяся карета на паровом ходу. Из-за грохота и клопочущего в зеве чудовища пламени, невольно притягивающего все взоры к его персоне, дворцовая стража не заметила, как метнулись в сторону от звероящера, а после скрылись в потемках две быстрые тени.

Защитники престола с превеликим удовольствием повторили бы сейчас манёвр горожан с Площади Мужества, мужества которых вполне хватило, чтобы разбежаться по домам и подвалам. Однако люди они были служилые, давали клятву верности, а потому лишь крепче нахлобучили парадные шлемы, опустили копейные жала и пошли, содрогаясь от ужаса, на незваного гостя.

– Где ты прячешься, советник Хризолакс, гнилая твоя трепуха? Выходи, иначе худо будет! – трубным гласом возвестил вдруг дракон, неспешно похлопывая крыльями. Один из стражей, не вынеся подобной дерзости, упал в обморок. Ещё пара сразу же остановились, не в силах бросить товарища в несчастье и начали обмахивать того чем придется, пытаясь пробудить. Оставшиеся двое с тоской взглянули на счастливых, сделали через силу ещё пару шагов и тоже хлопнулись на землю, причём один даже глаза не удосужился закрыть.

Кучера, дворники, лакеи, недавно ещё сновавшие по двору с самыми занятыми лицами, буквально растворились в воздухе, переплюнув самого придворного чародея в его лучшие годы. Захлопали окна, раздался первый крик страха.

Тем временем главный советник примерял праздничную мантию. Не далее, как через пару часов ему предстояло отправиться на площадь, дабы сменить уставшего славословить епископа и в очередной раз убедиться по ропоту толпы, что его считают негодяем. Хризолаксу, конечно, несказанно обидно было слышать подобное, но он всякий раз коварно не подавал вида.

Мужчина как раз намеревался спросить супругу – очень бледную, но красивую женщину с чем-то змеиным в лице – как он смотрится в ненадëванной до этого дня мантии, когда услышал драконий рык. Выглянув в щель между занавесок, он увидел во дворе здоровенную огнедышащую образину и поспешил отпрянуть.

Выходить на верную смерть совсем не хотелось, но и не выходить было нельзя: в двери покоев уже стучали испуганные придворные, умоляя не гневить чудовище и скорее показаться на балконе. Им вторили находившиеся в помещении слуги. Это, а так же обещание дракона сделать ему в случае неповиновения худо, в конечном итоге и заставило советника, закусив губу, выйти пред очи звероящера. Жена хотела было предупредить Хризолакса, что это опасно, но в последний миг раздумала говорить очевидные вещи и лишь коротко обняла супруга на прощание. Она была почти так же коварна, как сам мужчина, потому заранее работала на репутацию безутешной, однако сильной женщины, вдовы большого государственного человека.

На балконе советник сжал нарядные перильца так, что побелели пальцы. Морда дракона располагалась самую чуточку ниже его лица и Хризолакс очень хорошо видел огромные свтящиеся глаза монстра, глядящие ему прямо в душу.

– Вот и я! – сказал советник, всего дважды сбившись в такой длинной тираде. Знай он, что вся оставшаяся в сознании дворцовая стража поголовно, все солдаты, рыцари, знатные военачальники и жених принцессы Люсиль уже спешат сюда, а король как раз втискивается в старый боевой панцирь, то, наверное, вёл бы себя куда увереннее. Но Хризолакс не знал.

– Ты-то мне и нужен, червь! – пророкотал дракон и выпустил облако пара. – Твоя подлость известна всему миру! Готовься к смерти!

Советник не слишком испугался. Во-первых, страшнее самого дракона он придумать всё равно ничего не мог, а во-вторых, ему грозили смертью каждую неделю.

– Мне бы хотелось пожить ещё немного и сделать для королевства что-нибудь хорошее, ваша чудовищность... – пролепетал Хризолакс, начав подленько торговаться за свою никчёмную жизнь. – Нельзя ли дать мне отсрочку в несколько лет?

– Что? Ты вздумал смеяться? – рявкнул дракон злобно. – Так знай: будет тебе отсрочка, если сей же час мне приведут сотню юных девиц на поругание! Нет, не сотню, тысячу! Некоторых я, так и быть, просто слопаю!

Советник побледнел. Только неделю назад он, по врожденному своему коварству, убедил короля предоставить женщинам право свидетельствовать в суде и получать образование, повелел заложить первую в столице школу для разночинцев обоих полов, запретил ростовщикам брать больше семи процентов и надеялся продолжать развал страны и дальше. Жить ему, соответственно, очень хотелось. Но тысяча девиц...

– Может, деньгами? – дрожа всем телом, произнёс он.

– Ты издеваешься, низкая твоя душонка, не иначе! Деньги – прах! Сколько в стране добывают меди? Чёрных руд? Угля? Алмазов?

– Эээ... Не помню точно, но кажется... – совсем растерялся советник.

– Не продолжай, глупец! Не отягощай положение ложью, коли не знаешь! Тоже мне, второе лицо в королевстве!.. – оборвал его дракон. – Сколько бы не добывали – мне слишком мало этих крох. Удвоить, нет, утроить добычу, ты слышишь меня, человечиска? Сталь, медь, уголь, оружие! Боевые безлошадные колесницы! Мне нужно это всё через год... ну хорошо, через

три года! Много, очень много! Я прилечу за добычей и, если не найду чего хотел, то сравняю город с землёй! Ты меня понял?!

Советник только и мог, что кивать обречённо, ещё не понимая, как легко отделался.

А дракон, словно чуя приближающуюся опасность, вдруг заторопился.

– Ну понял – и славно, – произнёс он почти мирно. – Прилечу, значит, через три года. Смотри у меня!

И с рёвом быстро-быстро начал пятиться назад. Ярче вспыхнул огонь в приоткрытой пасти, хлопнули и замерли в развернутом состоянии крылья. Толстым коротким хвостом дракон погнул и разорвал дворцовую решётку, отполз задом ещё немного и вдруг метнулся вперёд, на ходу отрываясь от земли и оставляя королевскому войску, спешащему на помощь главному советнику, лишь густейшее облако чёрного дыма.

Пронёсшись над городом, звероящер приземлился на дне неглубокой потаённой ложины, погасил внутренний огонь и замер в ожидании.

Хризолакс же, на ватных ногах вернувшийся в покои, первым делом свёл приятное знакомство с бутылкой креплёного, а потом всю ночь сочинял закон «О недрах». Уснул он над кипой бумаг только под утро, так и не сняв праздничной мантии.

Пока одни вели с драконом переговоры, а другие шли на него войной, во дворце творилось неведь что. Испуганные слуги метались по коридорам и залам; вельможи, так и не воссевшие за праздничный стол, стали белее простыней; кто-то призывал небесных заступников, а кто-то под шумок взламывал двери винных погребов. Вполне объяснимая суматоха позволила некоему молодому человеку не только пробраться во дворец, но и беспрепятственно достигнуть опочивальни королевской дочери. Мелькнули и пропали в конце коридора его светло-русые кудри, спадающие на мускулистую шею сзади, решительное лицо с крохотным шрамом на щеке, хлопнула высокая дверь. И осталась лишь мгла комнаты, совсем не разгоняемая тусклым светом убывающей луны за окном, тихая речь, да жаркое дыхание.

– Кто здесь?

– Это я, сударыня!

– Вы? Но зачем, вам нельзя здесь! Уходите немедленно!

– Мой путь был долог и устлала его вовсе не розы. Как можете вы гнать человека, преодолевшего столько опасностей ради одной только встречи?

– Мы все сейчас в опасности. Разве вы не слышите рёв дракона? Заклинаю вас, уходите скорее!

– Что такое дракон, когда мы не виделись больше трёх лет, что такое опасность, когда мы всё-таки встретились! Не прогоняйте меня, я всё равно не уйду...

– Всё такой же безрассудный...

– Да, сударыня, и ничуть не жалею. Ведь это вы лишили меня рассудка, а не кто-то другой! Разве можно было ожидать иного?

– Но я, кажется, не давала вам повода. Что будет, если я сейчас крикну стражу?

– Вы только зря сорвете хрустальный голосок... любовь моя. Вся стража спешит на бой с драконом. И нам тоже надо спешить...

– Ах, отчего у вас такие горячие руки?

– Зато вы холодны, как лёд. После стольких лет разлуки вы, конечно, всё забыли. Тот зимний вечер в оранжерее, музыку, игравшую где-то далеко-далеко, словно бы в другом мире...

– Я... я помню это. Но вы так неожиданно пропали, не оставив следа...

– На то были веские причины. Ваш отец не желал нашего союза.

– Не желает и сейчас. Ох! Ч-что вы такое делаете?.. Прекратите сейчас же! Грех на вас, ведь я уже помолвлена...

– Знаю, любовь моя... Свет моих очей... Как же долго я ждал... Ведь ты не любишь его, он стар и лыс. Давай сбежим, пока не поздно!

– А если... я скажу... нет?

– Тогда я похищу тебя и все равно заберу с собой! Однажды ты поймешь, что...

– Я уже поняла! Всё поняла! Только не прекращай, прошу тебя, пока я не передумала... Ох-х... Но что это, почему больше не слышно дракона?

– Он улетел, любимая. И нам пора. Больше нас с тобой никому не разлучить!

Когда влюблённые выскользнули из комнаты, принцесса Ровена перевела наконец дух и высунула лицо с горящими от волнения щёчками из-под одеяла.

Дракона действительно слышно не было, зато доносились приглушённые крики опоздавших с ним сразиться воинов. Улеглась постепенно суета, и во дворце медленно начал восстанавливаться порядок. Где-то за стеной уже требовали важным басом подать экипаж с шестёркой лошадей по казённой надобности.

Принцессе едва исполнилось одиннадцать, но в свои годы она была умной девочкой и сообразила, что лучше всего сейчас будет лечь досыпать. Придворная дама, воспитательница младшей дочери короля, пожалованная высочайшей милостью сыграть свадьбу в один день с принцессой Люсиль, сбежала с мужчиной ради морганатического брака. Скандал, конечно, ужасный, но до утра как-нибудь подождет, не так ли?

В глубине тенистого парка, разбитого за королевским дворцом и выходящего прямо на прибрежные утесы издавна располагался монастырь святого Панталония Меченосца. Морские волны день и ночь катились валами где-то внизу, у подножия базальтовых плит, и живущие в благочинной обители монахи нередко чувствовали, как содрогаются под их ногами полы. Больше же ничего мирского сквозь увитые плющом и лимонником вперемешку стены монастыря не проникало. Ни шум близкого города, ни отзвуки королевских пиров, ни крепкий морской ветер. Кованая решетка, огораживающая парк, а также стража, ходящая вдоль оной дозором, не допускала простых людей в заповедные недра.

Не слышала святая братия и рёва дракона, а потому толстый монах, задумчиво стоя на часах у ворот обители и почесывая следы комариных укусов, не ожидал подвоха от неожиданно явившегося перед ним ражего молодца.

– Мир тебе, прохожий человек, – скучным голосом проговорил служитель церкви, уставший стоять и втайне желавший отцу-настоятелю разделить с ним его тяжкую участь. Это надо же – убрать привратную скамейку! Так ведь и спина отвалиться может... Пришелец его особенно не занимал. Из дворца к обители посылали людей, пусть и не особенно часто. За благословением, с известиями для настоятеля, на сбор отменных парковых грибов... Да и сами королевские особы со свитой нет-нет, а прогуливались среди поросших мохом деревьев.

– Что привело тебя к нашему смиренному жилищу?

– А вот сейчас и узнаешь, толстопузый! – рявкнул незнакомец и быстро ударил часового извлечённой из-за спины короткой дубинкой по голове. Удар был силен, монах упал, как подкошенный, не успев даже вскрикнуть. Только намотанные на оружие святотатца тряпки сохранили его жертве жизнь. Неизвестный припрятал дубинку, решительно отворил створки тяжёлых ворот и шагнул в темноту и безмолвие монастырского двора.

В сумерках хорошо виднелась белая дверь, резко контрастирующая с гранитом стен. Мужчина устремился к ней и, найдя открытой, ужом проскользнул внутрь. В кромешной мгле он сразу же чуть не разбил нос, наткнувшись на ступени вниз, в лабиринты погребов, затем,

двигаясь по стене на ощупь, ввалился в чью-то келью, заслужив неодобрительное брюзжание совершающего одинокую вечернюю старика. К счастью, ослеплённый светом луны, сочащимся в крохотное оконце, тот не сумел рассмотреть незваного гостя. А поглядеть имелось, на что! Загорелое лицо мужчины было иссечено доброю полудюжиной шрамов, а на месте левого глаза и вовсе темнел глубокий вертикальный рубец, нижним краем уходящий к крылу широкого носа. Одежда, подобранная с каким-то особым, разнузданным шиком, тоже не подходила жителю монастыря ни цветом, ни покроем. Если бы только монах у ворот не поленился всмотреться в облик незнакомца, всё могло бы пойти иначе. Однако сейчас одноглазый только промышчал нечто успокоительное, прикрыл дверь и двинулся дальше. Кухню, на приближение к которой ясно указывали красное зарево печи и голоса чего-то – в нарушение устава – вкушающих после вечерней трапезы, он обошел стороной. А затем обнаружил, наконец, то, что искал – лестницу на второй этаж.

На середине подъёма ступеньки пронзительно запели, мужчина остановился и затаил дыхание, однако на показавшийся ему самому оглушительным звук так никто и не появился. Чуть слышно усмехнувшись, он продолжил восхождение. Оказавшись на втором этаже, одноглазый крадучись двинулся по коридору. Слева от него в монолите древней стены были проделаны полукруглые оконца, бросающие на пол и противоположную стену пятна света. Справа же вытянулся длинный ряд неотличимых на первый взгляд друг от друга дверей.

Расположенные часто мужчину не интересовали вовсе. Зато дверь, удалённая от предыдущих на расстояние добрых восьми шагов, полностью завладела его вниманием. Он осторожно взялся за ручку и, немного помедлив, одним слитным движением проскользнул в скрывавшееся за дверью помещение. Это оказалась спальня. Длинные и низкие, напоминающие скамьи, а возможно ими и являющиеся (кто же в темноте разберет) кровати были заняты коротко стриженными юными послушниками, в этой поздний час уже спящими. На лице визитера мелькнуло смятение, и всё-таки он притворил за собой дверь, чтобы, почти беззвучно ступая ногами в мягких сапогах, пересечь комнату. По дороге мужчина вглядывался в лица мальчишек, у постелей некоторых задерживая шаг. Тусклый свет наподобие коридорного мало что позволял разглядеть, однако единственный глаз вторгшегося на чужую территорию детины уже привык к темноте. Рыжие, черноволосые, белобрысые; постарше и помладше; спящие беззвучно, храпящие или стонущие во сне – все они промелькнули перед его взором. Когда мужчина заканчивал уже свой непонятный обход, один из послушников – носатый парнишка лет двенадцати – подскочил вдруг в кровати и начал озираться с таким видом, будто проспал нечто важное.

– Опять... – с трудом отлепил веснушчатое лицо от своего аскетического ложа без подушки другой. – Ложись сейчас же... Ой, а вы кто?

Последнее, естественно, относилось к одноглазому.

– И часто он так? – деловито спросил мужчина вполголоса, не отвечая на вопрос. Спиной он ощутил, как зашевелилось в постели ещё двое или трое мальчишек.

– Почитай, каждую ночь, – отозвался его собеседник. – Всё кажется ему, что опять дом загорелся. Вот же наказание... Сам не спит, так ещё и я вздрагиваю всю ночь: не побежал бы в окно прыгать... А всё-таки, кто вы такой?

– Человек, желающий спасти свою душу, – быстро отозвался мужчина. – Мне сказали, здесь могут отпустить самые тяжёлые грехи.

– Так это вам надо к отцу Семиану, нашему настоятелю, – наблюдая, как успокоившийся товарищ как ни в чем не бывало заново устраивается спать, отвечал веснушчатый. В его голосе было удивление.

– Я тоже так думал, – проворчал одноглазый. – Однако в пути у меня возникли некоторые разногласия с мирскими законами... да и с духовными тоже.

– Так вас ищут? – с любопытством спросил кто-то за спиной мужчины.

– Вот это да! – вторил ему другой.

Не прошло и десятка минут, как в постели остался только давешний носатый, умудрившийся заснуть там, где все пробудились. Мальчишки в одних нижних рубашках обступили гостя. Вопросы, удивлённые возгласы, советы, как быть дальше, так и сыпались на него со всех сторон. Личность нового знакомого вызывала у ещё не проникшихся до конца благочестием подростков смесь страха с уважением, а так же, конечно, вполне естественное любопытство. Некоторые, правда, порывались было отправиться за подмогой, но таким пару раз дали по шее, и они мигом сменили точку зрения. Да ведь и то верно: когда вот так встретишь настоящего морского волка!

– Нет, пацаны, это тоже не годится. Станет будто меня слушать судья, – разводил руками мужчина. – Разве ему объяснишь, что такое настоящая свободная торговля... Пустое дело! Эх, братцы, видать не там я решил бросить якоря. Судьбу так просто наизнанку не вывернешь.

– На помощь! Ко мне! Чужак в обители! – раздался вдруг крик со двора. Ушибленный монах пришёл, наконец, в сознание и теперь взывал к отмщению.

– Ну вот и всё, больше мне здесь не рады, – усмехнулся одноглазый. – Пришло время прощаться, видать.

– Вы про шхуну не успели рассказать, – вздохнул один из мальчишек.

– И про другие острова, – добавил второй.

– Значит, грехи вам не отпустят? – туговато доходило до третьего.

– Всё сами узнаете в своё время. И про шхуны, и про острова. Половину ещё забыть захочется! – отшутился мужчина. Крики незадачливого привратника переположили тем временем весь монастырь. Уже слышались мигом узванные послушниками шаги настоятеля, проверяющего с двумя духовными сынами помещения на втором этаже; по двору бегали крепкие мужики в рясах и с дубьем, так что полночный гость был готов покинуть обитель, да чем скорее, тем лучше. Всему, как известно, своё время.

Стоя у двери и обводя взглядом устремлённые на него лица, мужчина долго не мог понять, кто это держит его за ногу, пока не поглядел вниз. Мальчик лет шести от силы, которого до этого было не видно и не слышно в общем хоре голосов, обнимал его выше колена:

– Дядя пират, а возьмите меня с собой! Пожалуйста!..

Старшие мальчишки беззлобно рассмеялись. Некоторые из них и сами были бы сейчас не прочь убежать в другую, такую непохожую на их собственную, жизнь, но понимали, что ничего не выйдет. Мужчина осторожно взъерошил малявке волосы, передал его веснушчатому и круто развернулся к двери, чтобы никто не видел его слез.

– Хай-япп! Поберегись! – крикнул он из уважения к ветхости настоятеля, а потом распахнул дверь ногой и под носом у почтенного старца – дубинка в правой руке, нож в левой – выскочил в коридор.

Юные послушники бросились к окну, чтобы, толкаясь и споря, хоть краем глаза увидеть, что будет происходить во дворе.

Счастливые очевидцы, отвоевавшие себе место у оконного проёма, рассказывали потом, как ураганом налетел на пытавшихся его задержать мужчина.

– Акуля ваша мать! – кричал он, бешено размахивая дубинкой. – В сторону, долгополые! Что, не желаешь уступить дорогу? Ну, так иди сюда, пузан! Хай-япп! Запомни, дурак, что тебе по толстому задку досталось от самого Джотто Чёрного Тюленя, грозы Шестнадцати морей и не хнычь, как баба! Во славу ночного ветра, хай-япп! Торговые вольности морским удалцам!

Разогнав людей у ворот, Джотто последний раз мазнул взглядом по тёмным окнам второго этажа и громадными скачками скрылся в парке.

Над самой поверхностью моря, едва не касаясь растопыренными лапами кружева белой пены, летел дракон. Зарождающийся на востоке свет уже окрасил краешек туч розовым. Свежий северняк рвал податливую пелену тумана, размётывал и топил его обрывки в солёной воде. Ночной шторм стих так же внезапно, как и грянул несколькими часами ранее, и теперь спокойствия волн не омрачало уже ничего.

Дракон сам по себе был редким гостем в этих краях, ведь ещё много сотен лет назад их племя вытеснили на далёкие окраины архипелага, за дышащие пеплом вулканические острова, на самый край мира, где не ходил ещё ни один корабль, не ступала нога человека, и где время звероящеров никогда не заканчивалось. Были смельчаки, решившиеся поднять на мачту крапчатое знамя поиска и отправиться в драконьи воды, на легендарные Потаённые Острова, да только больше этих героев никто не видел. Безбрежен океан, бесчисленны его опасности.

Но куда более удивительным явлением, чем дракон как таковой, была огненно-рыжая борода, торчащая из его левого глаза. К бороде прилагался внушительный нос с паутиной прожилок, лицо шириной со сковороду и голубые глаза, воспалённые от ветра и брызг.

– Нет, сударь, не на того напали! – звучным баритоном приговаривал владелец бороды, пытаясь раскурить огромную трубку. – Я вам спуска не дам. Нет, сударь, не дам! Отложить мой прожект пилы-ревуна в долгий ящик? Пускай! Отправить на этот богом забытый атолл, рыбные мельницы починять – что ж! Хорошо, утрёмся, забудем. Мы, сударь, не гордые! Но водяную пушку, но улиточный винт, но паровой молот-то вы на кой ляд запретили?! Если ни бельмеса в нашем деле не смыслите, так и влезать нечего! Чтобы я, заслуженный механик, воду в бадейке таскал? Вот это видали?

Раскурив трубку, бородач жадно всосал в лёгкие столько дыму, что даже позеленел. Это, впрочем, не помешало ему яростно махать в сером клубящемся облаке незамысловатой фигурой из трёх пальцев. Прокашлявшись и отплевавшись, наконец, он продолжил монолог:

– Соседи наши, надо понимать, давно на Южные Заливы зубы точат, на леса корабельные, на алмазные копи. Им только дай повод, разом флот отправят! Вот увидят, сколько мы лопатами, да кирками угля добываем (детишек, значит, напугать боимся грохотом с вибрацией, стариков смущать «колдовством» не желаем), какой металл плавим по дедовским рецептам, как добычу снижаем, да от полезных изобретений отмахиваемся, так сразу и налетят вороньём. Эх, вы! Ну, теперь ничего, теперь жить можно! Да, сударь, теперь хоть дракону на поживу, хоть народу на пользу, а вынь да положь рост производства! Уж теперь-то вспомните, небось, и пушку водяную, и винт улиточный добрым словом, мастеров созовёте, кого разогнать успели, жалованье там, условия всякие. А нет, так я и сам приду и сам услуги предложу! Пилу, глядишь, протолкнуть удастся, или вот крылолёт... Доработать, конечно, надо, сырой он, но ведь летает же!.. Ещё как летает! Да, так вот... Не гордые мы, сударь, ради общей пользы ещё раз утереться готовы. Прогресс – он, знаете ли, неостановим!

Дракон, в свете восходящего солнца слабо напоминающий живого, продолжал полёт. Впереди уже виднелся одинокий атолл с нагромождением ржавых колёс, треног и механизмов, обитаемый только во время весенней путины. Перестав ворчать, рыжебородый захлопнул полупрозрачный колпак, снаружи напоминающий громадный глаз, и вновь взялся за рычаги управления. Его машина, по наитию, без чертежей собранная из всякой завали, жалобно пыхтела, плевалась паром и грозила развалиться в любую минуту. Отвлекаться надолго не стоило. Будущее было слишком грандиозным, чтобы подвергать его случайным опасностям.

В брюхе дракона, в тесном помещеньице два шага на три маялся, хватался за стены одноглазый пират, гроза Шестнадцати морей Джотто Чёрный Тюлень. Его не смущала тряска,

не раздражали грохот шестерней и гул котла, хоть и приглушённые, но весьма впечатляющие. Он думал о своём.

«Вот и встретились, сынок. Не там, где хотелось бы, но всё-таки. Ты не слишком вырос. Долгополая братия вас там, видать, не очень-то кормит. У самих щёки на плечах лежат, а детям... Ты извини, что не взял тебя с собой. Не место тебе на палубе, скользкой от крови. Мал ты ещё. Может, и хорошо, что твоя паскудная мать, доброго слова не стоящая, от тебя отказалась, и ты её совсем не знаешь. При живом муже охомутать главного королевского советника! Змея... Впрочем, они с ним два сапога пара... Ладно, сынок, ладно. Ты весь в меня, я знаю. Ты пробьёшься. Когда подрастёшь, я вернусь за тобой, расскажу, как дело было, и тогда небу станет жарко, клянусь моим глазом, ждущим всё остальное тело в обители предков! Мы ещё выйдем в море как отец и сын. Чёрный Тюлень и Малыш Кальмар, скажем. Нет, просто Джотто и Сангвиний... Королевство запомнит наши имена! Ну, а если ты всё-таки поддашься на сладкие речи монахов и выберешь путь черноубочника... Что же, должен ведь и пират когда-нибудь исповедоваться, а знакомый святоша ещё никому не мешал.»

При этой мысли Чёрный Тюлень энергично усмехнулся и, тряхнув головой, сбросил с щеки непрошеную слезинку.

С подветренной стороны безымянного атолла, принадлежащего королю Острова Красной Чайки, есть крохотная бухточка. Там ждёт его шхуна с тремя дюжинами морских удалцов, давно уже киснущих от безделья. Ничего, теперь им найдётся занятие. Парня с девкой надо будет доставить на Кабаний, оттуда выдачи нет. Пары золотых цапек за место на «Поморнике», так и быть, хватит. Всё равно по пути. Потом назад сюда и, если рыжий всё ещё не взорвался вместе с одной из своих громыхалок, подвести его до родных берегов. Джотто добра не забывает. Хотя вот из кого бы вышел славный морской волк, даром, что умник! Было б кому огненные кувшины делать, по крайней мере. Может, намекнуть? Ну, а дальше... Ха! До этого «дальше» поди, доживи сначала!

Грядущее писалось вилами по воде, но мужчине хватало и неотложных дел, чтобы не слишком-то об этом печалиться.

А за железными переборками машинного отделения, в аду, где царил пышущий жаром котёл и грохотали механизмы, не было ни прошлого, ни настоящего, ни будущего. Там целовались, сидя на узлах с вещами, влюблённые и для них сейчас не существовало ничего, кроме этого сладостного занятия.

Круговорот

Паруса наполнял яростный северный ветер. Волны бросались на корабль так, словно и вправду надеясь его остановить, но всё же раз за разом терпели поражение. Команда знала своё дело, и «Поморник» не столько бежал по морю, сколько летел над ним гигантской хищной птицей. И всё-таки их догоняли.

Джотто по прозвищу Чёрный Тюлень стоял на капитанском мостике. Единственным глазом он зорко вглядывался в морскую даль, подмечая каждую мелочь, недоступную сухопутным жителям. Если удастся дотянуть до вечера, знал капитан, у них появится шанс скрыться в Лабиринте. Королевский флот никогда не рискнёт искать их среди каменных зубов. Там дуют всеокрушающие ветра, а любое отклонение от курса грозит гибелью. Лишь самые опытные мореходы способны пройти путём среди скал. В себе самом Джотто не сомневался, а вот найдутся ли достаточно рискованные парни среди преследователей – большой вопрос.

Если бы не давешняя буря, повредившая такелаж, не пришлось бы даже прятаться. Неуклюжие суда противника слишком медлительны, его «Поморник» скрылся бы с глаз всего за несколько часов. Но залатать порванные паруса не хватило времени, и вот теперь вражеская эскадра медленно, но верно сокращала отставание.

Все на корабле понимали, чем грозит встреча с властями. Наказание за пиратство одно – безжалостный суд и верёвка. Пощады просить бесполезно, да об этом никто и не помышлял. Лучше уж смерть в бою, чем позорный плен.

А ещё лучше – добраться-таки до спасительного Лабиринта, чтобы вновь оставить врагов с носом.

Даже повреждённый, «Поморник» оставался быстроходной посудинкой, и шансы на успех оставались.

Но тут из-за гряды скал, глубоко врезающейся в море, вдруг вылетел и бросился наперез морским удалцам ещё один корабль. Его огромные гребные колёса споро вертелись, из многочисленных труб валили дым и пар вперемешку, из воды то и дело показывался могучий таран. Судно быстро набирало скорость.

– Ах, акулья ваша мать! – заорал Джотто, моментально оценив ситуацию. – Держись крепче!

По всему выходило, что выскочивший из засады охотник собирается протаранить «Поморника» в левый борт. Времени на манёвр уже не оставалось, столкновение было неизбежно. Оставалось лишь стиснуть зубы и приготовиться пойти на дно, прихватив с собой как можно больше врагов.

Корабль надвигался, уже видны были красивые белые буквы на тёмных досках его борта. «Принцесса Люсиль»! Новейшее судно, только месяц назад сошедшее со стапелей, грозное и сильное, способное, по слухам, разогнать целую ватагу пиратских кораблей. Да, это достойный противник! Значит, не так обидно будет отправляться в гости к Морскому Владыке. «Люсиль» всё ближе, её дымы закрывают небо. Ещё немного, и...

Но в последний момент королевский флагман вдруг изменил курс, разворачиваясь к «Поморнику» боком, поразительно резко сбавил ход, и уже через мгновение на палубу пиратского корабля полетели десятки кованых крюков. Длинные чёрные цепи с лязгом натянулись, и корабли начали сходиться к борту борта.

– К бою! – закричал Джотто, схватившись за саблю. – Хай-ярр! Покажем этим ублюдкам!

А с высокого борта «Люсиль» уже прыгали вниз закованные в сталь солдаты. Мечи и кинжалы пиратов были для них не страшны, а вот сами они сеяли смерть и ужас. Палуба окрасилась кровью.

– Акуля съты! – зарычал Джотто, отчаявшись поразить своего противника. – Думаешь, я не смогу расковырять твой панцирь?

Он бросился в трюм, чтобы выбраться оттуда уже с заряженной бомбардой в руках.

– Получай!

Командир латников упал замертво, наступление замедлилось. Кое-кто из пиратов тем временем тоже сообразил перейти на огненный бой. Доспехи не спасали от тяжёлых пуль, после кучного залпа повалилось сразу несколько солдат, а другие замешкались. Такого отпора они явно не ожидали.

Джотто, бешено работая шомполом, похвалил себя за предусмотрительность. Из-за риска пожара бомбарды редко использовали на кораблях, да и управляться с ними умел далеко не каждый. А вот поди ж ты, пригодились!

И всё же неприятель был силён, команда Чёрного Тюленя быстро таяла. Пали Гекко, Буро Гелео, Козай, зарубили алебардой Бычару Круза, а оглушённого Симонса утащили за ноги в плен. Сам Джотто с группкой храбрецов пробивался к корме. Оставался ещё один шанс. Пусть совсем крохотный, пусть безумный, но не воспользоваться им было бы глупо.

Люди Джотто обезумели от крови и ярости, и как бы стойко ни держалась судовая рать с «Люсили», сумели прорубить своему капитану дорогу. Он и сам в дикой сече отправил на тот свет нескольких врагов, однако был ранен в бедро.

А вот и то, к чему он так стремился! Холстина расплзлась под лезвием ножа, тонкие дощечки ящика легко поддались. Джотто всё никак не мог высечь искру, когда позади раздался повелительный голос:

– Брать живыми!

И когда огонь коснулся, наконец, длинного фитиля, в воздух полетели сети.

Пираты уже барахтались в плену верёвок, но Джотто пока не схватили, и он успел подняться на ноги, чтобы с натугой метнуть рассыпающий искры ящик под ноги солдатам. В небо полетели разноцветные огни, сияющие нестерпимым светом даже днём. Пара латников упала, но скорее от неожиданности. Враги было отступили, но поняв, что им ничего не грозит, набросились на капитана с удвоенной силой.

– Взять его! Быстро!

– Хай-ярр!..

– Так-так-так, господин разбойник, – благодумствовал капитан «Люсили», граф Перегош, – стало быть, удача отвернулась, наконец, от вас? Ну-ну, не отчаивайтесь, в конце концов это должно было случиться. К тому же, судьба, как известно, благоволит сильным.

Джотто ничего не ответил. Он и его выжившие люди стояли связанными перед строем королевских солдат. Доски под ногами пленников промокли от крови. «Поморник» больше не удерживали цепи, но снова побежать по волнам ему было уже не суждено. Скоро реи корабля украсят тела его команды, потом на палубу полетят огненные кувшины. А самого капитана, конечно, повесят в ближайшем порту на потеху зевакам. И хорошо, если не за ноги.

– Вы долго портили кровь жителям Пяти морей, – продолжал Перегош. – Но теперь вашему богомерзкому промыслу пришёл конец.

– Шестнадцати морей, – проворчал вдруг Джотто.

– Что, простите?

– Я – капитан Джотто Чёрный Тюлень, гроза Шестнадцати морей. Прояви уважение, пёс!

– Вот как? – деланно удивился Перегош. – Ну хорошо. Впрочем, какое это теперь имеет значение? Лучше уж, любезный, смирите душу молитвой. Ей скоро предстоит отлететь в иной мир.

– Ах ты... – зарычал Джотто, злобно глядя на своего собеседника, и вдруг осёкся. – А ведь я тебя знаю! Бобус, откуда я его знаю?

– Он встретился нам у острова Весёлых русалок, капитан, – прохрипел Бобус. Старый друг Джотто всё пытался обтереть лицо от крови, но ему мешали верёвки. – Только корабль у него тогда был поплоче, да люди пожиже...

– Точно. А как он от нас ускользнул, не напомнишь?

– От вашего дерзкого нападения меня спасло божественное провидение – и флот наших союзников, – любезно объяснил Перегош. – А ведь вы уже стояли с клинком у моего горла, не так ли? Никогда не забуду, как, завидев спешащие мне на подмогу суда, вы трусливо бежали! Тогда я окончательно понял всю низость пиратской души и поклялся вечно бороться с такими, как вы!

Джотто прищурился и метко плюнул ему на сапог. Пираты, несмотря на бедственное положение, одобрительно заворчали. Пример командира не давал им окончательно пасть духом.

– Никогда я не бегал от честной драки, – объяснил Джотто, старательно копируя учтивый тон Перегоша. – Но ведь глупо же ввязываться в заранее проигранную битву, если можно с этим подождать? Правда, уважаемый?

– Меня утомил этот разговор, – поморщился граф. – Пора заканчивать. Этого – к нам на борт. И выберите клетку потеснее. Но сначала пусть посмотрит на казнь своих дружков.

Джотто яростно дёрнул связанными руками, но путы, конечно, не поддались. Это только в красивых сказках приговорённого к смерти спасают подоспевшие в последний миг друзья, или предлагает поединок благородный враг. В жизни всё не так. Не успел зарезать ты – значит, зарежут тебя. Проворонил свою удачу – считай, подарил другому. Круговорот. Эх, надо было на тот ящик животом упасть!

Люди Перегоша уже почти приготовили виселицы, когда в небе показалась тёмная точка. Джотто высмотрел её даже с одним глазом, но боялся поверить в такое счастье, пока не различил нарастающий с каждым мгновением рёв.

– Молодец, Рыжий! Увидал-таки! – закричал он во всё горло, когда шум стало невозможно не услышать, и к небу оборотились сотни голов. Оставляя за собой дымный шлейф, на помощь пирату летел дракон. Его чешуя цвета стали сверкала на солнце, в пасти клокотало пламя.

– Ууу! – выл дракон ужасным голосом, но для Джотто эти звуки казались сладкой музыкой. – Ещё поддай! Рычаг в положение восемь, правый клапан три четверти, ремни пристегнуть! Идём на таран!

Поднялся крик, кто-то упал на колени и начал молиться, кто-то, не разбирая дороги, бросился к шлюпкам. Перегош с бледным от страха лицом глядел в небо.

На «Люсили» ещё не успели подготовиться к бою, когда толстые кривые лапы дракона пропахали палубу корабля от борта до борта, практически расколов его пополам. Следующей жертвой стал «Святой Панталоний», за ним – «Огненная чайка».

Пока дракон заходил на новый виток, все, кто сумел поднять парус, бросились в разные стороны. Соперничать с мощью звероящера не стоило даже думать. Дракон не стал их преследовать. Он лишь кружил над «Поморником», громогласно командуя всем сложить оружие и перейти под власть «почтенного Джотто».

Спорить с чудовищем никто не посмел, и вскоре Чёрный Тюлень снова стал хозяином на собственном корабле. Большинство солдат, здраво оценив обстановку, тут же присягнули ему на верность, остальных связали. Граф был низложен и отправлен в трюм. Туда же загрузили и тех, кого удалось спасти после гибели королевских судов. На мачтах «Поморника» вновь надулись тугие паруса.

Круговорот жизни вечен. Он не знает остановок.

В закатном небе, то обгоняя корабль, то возвращаясь назад, летал стальной дракон, так вовремя подоспевший на всполохи сигнальных ракет. Его развёрнутые крылья не двигались, а из левого глаза временами показывалась чья-то поросшая рыжим волосом рука с огромной отвёрткой, и слышались проклятия. Дракон, даже постоянно совершенствуемый, всё ещё немного барахлил.

– Тяни дружнее! Взяли! Взяли! Акуля сыть, да что вы как бабы? Вот так надо, разом! А ну?..

Первый поход

Это мой первый боевой поход, притом первый день оно и сразу же – не иначе, судьба – на нас напали орки! Конечно, меня учили, что надо делать в таких случаях, но, признаться, сначала я слегка растерялась. Эти перекошенные хари, зловонное дыхание над ухом, занесённые топоры... Вспоминать не хочется подобный кошмар.

Говорят, первый бой, первый поверженный враг навсегда остаются в памяти, и сколько бы смертей ни пришлось увидеть после этого, ТЕХ впечатлений не затмит уже ничто.

А ещё пролившему кровь новичку положено долго трястись и всю ночь не спать, заново испытывая ужас случившегося днём. Да пожалуй, что и не одну ночь, а несколько. Не так-то лёгок путь воительницы.

Если это правда, то я, видимо, особенная. Поначалу, когда орки выскочили и принялись визжать, было страшновато, конечно, но теперь всё в порядке. В дрожь, по крайней мере, бросать не думает. А ночью, если хочешь продолжить путь назавтра, да не где-то там, у самых вагенбургов, а на своём месте в строю, непременно надо выспаться.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.